

Письма русских писателей XVIII века

**И. И.
ДМИТРИЕВ**

Письма

ImWerdenVerlag
München 2006

1. А. И. Дмитриеву

Вторая половина марта 1797

Любезный братец Александр Иванович.¹

Вчера имел я удовольствие получить письмо твое от 16 февраля из Астрахани. Сердечно сожалею о слабости твоего здоровья; ради Бога, послушай прежнего моего совета и пусти кровь. Что ж касается до службы, то по обстоятельствам твоим не переменяю и теперь моего мнения: в статской же службе ты найдешь ныне очень хорошее место и очень скоро в Москве или в Петербурге. Вся сила в том, чтоб в сентябре быть тебе непременно в Петербурге; благодаря Бога, я имею довольно доброжелателей, которые не оставят войти и в твое состояние. Ныне открылись новые цензорские места с жалованием по 1700 рублей. Уповательно, что и еще выйдут новые какие-нибудь должности. Что ж касается до нашего дела, то как оно не кончилось еще в совестном суде, почему и не знаю, можно ли возобновить в Астрахане.² Впрочем, Федор Антипыч³ если имеет документ на свои требования и доказа<тельство> справедливости приказов, то он и без верящего письма обязан будет выполнять касательное до нас, по приказам. Или когда уже огласится судом отдача ему предназначенной для раздачи суммы, в таком случае мы можем войти в требование, адресуясь уже на его имя, где следует. В дополнение сообщаю тебе прилагаемую новость, которая, может быть, до вас еще не дошла и по которой ты, братец, лучше и можешь расположить свои меры. У Николая Васильевича пропасть дядюшкиных бумаг, которые могли бы очень легко обличить дерзость просителя. Прости, братец. Братья в походе, я сам думаю дня чрез три отправиться в Москву.⁴ Перчатки при сем посылаю. Верный брат

И. Д.

2. А. И. Дмитриеву

8 апреля 1797

Апреля 8 дня. 1797. Москва.

Христос воскрес, любезнейший, милый мой брат Александр Иванович. Я сегодня получил от тебя вдруг два письма; они больше бы меня порадовали, если бы ты был спокойнее и здоровее; будь уверен, братец, что душевно готов все, что только можно, для тебя сделать; комиссию твою на нынешней же недели исполню; будь терпеливее, братец; авось либо фортуна устанет играть тобою; я по высочайшей милости определен за обер-прокурорский стол в первый департамент.¹ Если ты получишь отставку, то ради Бога приезжай и с Марьей Александровной² в Петербург; может быть, я буду столько счастлив, что чрез благодетелей моих найду и тебе хорошее место; я всегда готов отдать тебе справедливость и уверен, что во всех делах, требующих основательного рассудка, ты более, нежели я, способен, и следовательно, ты право ничего не по-

теряешь, вступя в статскую службу; а ныне везде служба на такой ноге, что каждого служба сама за себя ходатайствует и щедро награждается. Нам обоим по домашним обстоятельствам равная участь; начнем же сами стараться искать лучшей доли по своей службе; авось сбудется и над нами пословица: за Богом молитва, а за государем служба не пропадает. Прости, братец, в мыслях тебя целую и по гроб мой остаюсь нежным другом и братом

Иван Дмитриев.

3. Неизвестному

19 февраля 1799

1799 февраля 19.

Любезный Александр Иванович.

Как я был тронут, услыша от сестрицы вашей, что вы и заочно меня помните! сердечно благодарю вас и желаю вам всевозможного счастья, которого вы по всему достойны; поверите ли, что я вам завидую, то есть сколько позволительно с добрым сердцем и тому, кого любишь, завидовать; какая приятная для вас дорога! сколько предметов для любопытства, сколько случаев к большему познанию человека, и в таких молодых летах! между тем как я, бедный, лучшую часть жизни провел на маленьком театре почти в недействии, почти не чувствуя живых удовольствий, и не имею в виду ничего, кроме скучной старости, сопряженной с заботами. — Но я дал себе слово не переносить письма на другую страницу; итак, прощайте и вспоминайте иногда искренно любящего вас

Дмитриева.

4. Д. Н. Блудову

16 июля 1813

Милостивый государь мой Дмитрий Николаевич.

Чувствительно благодарен вам за дружеское ваше письмо и доставление мне политических произведений. Может бы<ть>, италийский журнал сделает чудо, какого и Тасс не произвел надо мною: что я для него выучусь по-италиански. Теперь же мне и досугу будет довольно, ибо я отпущен на 4 месяца в отпуск.¹ И скоро надеюсь отправиться в Москву, где буду жить в доме канцлера.²

Парнас наш, пользуясь перемирием, отдыхает. Орел нашей Поэзии от бранного шума направил полет свой к Киевским святым пещерам, которых вид, вероятно, пособит ему подарить нас вместо громкого чем-нибудь умилительным; Сокол почивает на лаврах, занимаясь мимоходом поправками и вторичным изданием *De l'art poétique*; но кажется, что он собирается с силами, чтобы внезапно возгреметь надгробную песнь Смоленскому, коль скоро смолкнут над прахом его прочие птицы.³

Нетерпеливо желаю дожидаться приятного свидания с вами; между тем, свидетельствуя вам и милостивой государыне Анне Андреевне⁴ душевное мое почтение, навсегда имею честь быть ваш, милостивого государя моего покорнейший слуга

Иван Дмитриев.

С. Петербург, 1813 июля 16.

5. В. В. Измайлову

21 сентября 1814

Охотно повторяю вам, любезный Владимир Васильевич, прежний мой стих и радуюсь, что опять с вами. На другой же день моего приезда я посылал просить вас к себе обедать, но, к сожалению, узнал, что вы еще не возвратились. Выздоровливайте скорее и приезжайте к нам на житье. Поля уже лишились своих прелестей. Я много привез новостей фр<анцузской> литературы; от доброго сердца поделюсь с вами для вашего журнала. Кстате вспомнить: очень благодарю вас за «Бродягу».¹

О деле вашем предоставляю поговорить с вами при первом свидании. Между тем с душевным почтением был и всегда пребуду преданнейшим вам

Дмитриев.

Сентября 21-го.

6. Ф. Н. Глинке

30 декабря 1815

Милостивый государь мой Федор Николаевич! Благоклонное ваше письмо от 15 сего месяца¹ тем для меня приятнее, что подает мне случай возобновить искреннюю благодарность мою, и уже не косвенным образом, за полученный от вас подарок. Письма Русского Офицера и просвещенного автора читаю я, как патриот и любитель словесности, с сугубым удовольствием.² Из всех русских сочинений, выпедших по случаю войны, ваша книга сохранит свою цену и во дни мира.

Мне очень прискорбно, что отлучка моя в отчизну лишила меня удовольствия видеться с вами в Москве.³ По крайней мере могу чистосердечно уверить вас, что отсутствие ваше не ослабит отличного к вам почтения, с которым навсегда имеет честь пребыть ваш милостивого государя моего покорнейший слуга

Иван Дмитриев.

P. S. Позвольте при сем поздравить вас с наступлением нового года и покорнейше вас просить о благоклонном принятии от меня, вместо обыкновенного сюрприза, нового издания моих сочинений.⁴

Москва, 1815 декабря 30-го.

7. В. В. Измайлову

Октябрь 1816

Милостивый государь мой Владимир Васильевич!

Благодаря вас искренно за дружескую доверенность, которою почтили меня в письме вашем, могу вас уверить, что я всею душою рад быть орудием монарших благотворений, а потому и покровительствуемая вами может надеяться получить в них участие, если по состоянию своему будет подходить под правила, которые даны в руководство комиссии.¹ В противном же случае мне останется только сожалеть, что и дружба и сострадание подчинены законам.

Я нетерпеливо жду вашего возвращения,² так давно не имел удовольствия с вами беседовать; между тем с душевным почтением навсегда пребуду вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1816 октября дня.

8. Ф. Н. Глинке

6 июня 1817

Милостивый государь мой Федор Николаевич!

Спешу принести вам чувствительную благодарность мою за сообщение мне сочинения вашего книги «Письма к другу» и начального номера «Военного журнала».¹ Первою читаю небольшим удовольствием; с неменьшим прочитал и вторую. Хотя уже мне и не бывать в военной службе, но я охотно желаю быть в числе подписчиков на журнал сей; итак, покорнейше прошу вас, милостивый государь мой, почтить меня уведомлением вашим, можно ли здесь внести деньги на получение оною, и к кому с этим адресоваться, — в ожидании чего препоручаю себя в продолжение вашей ко мне приязни, весьма для меня лестной, и с отличным почтением имею честь быть, милостивый государь мой, покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев.

Июня 6. 1817. Москва.

9. Н. И. Гнедичу

29 июля 1817

Милостивый государь мой Николай Иванович!

Спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за обязательное ваше письмо и доставление подарка от одного из моих любимейших прозаиков и поэтов. Это драгоценный подарок и для нашей словесности; как ревностный любитель славы ее, искренно желаю скорее увидеть в библиотеке моей и вашего Гомера.¹

Между тем, поручая себя лестной для меня вашей приязни, с отличным почтением имею честь быть, милостивый государь мой, покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев.

Москва, 1817-го июля 29-го.

10. Ф. Н. Глинке

19 марта 1818

Москва, 1818-го марта 19-го.

Милостивый государь мой Федор Николаевич!

Примите искреннюю благодарность мою за новый знак вашей ко мне приязни: оба сочинения прочитал я с большим удовольствием; в одном выдержаны все условия литератора; другое занимательно по своей новости и похвальной цели, для какой писано.¹ Желательно, чтоб этот опыт распространил в добрых поселянах охоту обу-

чатся грамоте: тогда бы можно было издать для них книгу по обширнейшему плану: такую, в которой бы изложены были вкратце и ясно понятия о нашей религии, о их обязанностях в отношении к семейству, к начальникам, к правительству, к ближнему; понятия о домоводстве, о простых лекарствах от обыкновенных болезней. Можно бы присовокупить к тому собрание лучших пословиц, сентенций и сказочек, подобных вашей. Можно или нет, но весело и мечтать о возможности добра и пользы.

Не обременяю вас долее моим письмом. Закрываю сердечным уверением вас в отличном почтении, с которым навсегда имею честь быть, милостивый государь мой, покорнейшим вашим слугою

Иван Дмитриев.

11. Ф. Н. Глинке

5 декабря 1818

Милостивый государь мой Федор Николаевич!

Я желал бы еще чаще дарить вас своими произведениями, чтоб только получать ваши отдарки. С большим удовольствием читал в другой раз Гимн ваш Богу: прекрасная и сильная поэзия! не с меньшим и ваш подарок русскому солдату, равно как и биографию гр<афа> Мил<орадовича>. Желательно, чтоб вы потрудились издать второй томик подарка и поместили бы в нем несколько характеристических портретов старых и новых наших генералов; несколько военных анекдотов; роспись славнейших сражений. Не худо бы также дать им понятие, хотя самое легкое, об русской истории. Уверяю вас, наконец, что я искренно люблю ваш талант и люблюсь всеми вашими произведениями. А чтоб еще более уверить вас в моей искренности, то не скрою от вас, что я лучше бы назвал *manière de parler поговоркою*, а не говоркою. Первое всеми принято и с давних лет употре<би>тельно. Также не хотел бы, чтоб вы, с<ле>дуя другим молодым писателям, часто употребляли вот и к слову всех прибавляли и каждого. Я знаю, отчего вошло это в <обы>чай. Молодые люди начали знать маниф<есты> с 812 года. Они в первый раз услышали всем и каждому в одном из манифестов и по справедливой доверенности к Алексан<дру> Семеновичу заключили, что уже нельзя ска<зать> всех, чтобы не прибавить и каждого. Но надобно знать, что это издавно было формою указов только и манифестов, а более нигде и ни в каком случае так не писали. Вы с<о>гласитесь, что весьма бы странно было услы<шать> в комедии женщину, которая говорит любо<внику>: «Ты дороже мне всех и каждого».

Простите мне мою откровенность. Я ничем лучше не могу вас уверить в том отличном почтении, которое навсегда к вам сохранит, милостивый государь мой, покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев.

Москва, 1818 декабря 5.

P. S. Мне самому очень чувствительна разлука с Батюшковым.² Это бесценный человек и по душе, и по таланту.

12. С. П. Жихареву

21 октября 1820

Милостивый государь мой, любезнейший Степан Петрович!

Спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за приятное уведомление меня о рождении сына, с которым имею честь вас поздравить.¹ От всего сердца желаю, чтоб он был некогда утехой и жезлом маститыя вашей старости и во всем походил на почтенных своих родителей.

Еще до получения вашего письма я уже с прискорбием слышал о вашей потере и брал искренное в ней участие, понимая очень живо всю меру вашей печали и забот в отношении к тогдашнему состоянию Федосьи Дмитриевны.²

Можно ли надеяться по крайней мере в середине зимы дожждаться вас в Москву? Могу вас уверить, что пребывание ваше здесь было бы дополнением тех немногих отрадных минут, которые суждено мне иметь в столице, хотя и многолюдной, но для меня скудной в сердечных друзьях и приятелях: все старые рассеяны, а новые в мои лета уже не наживаются.

Впрочем, где бы вы ни были, всегда будете близки к моему сердцу, исполненно-му к вам душевным почтением. Будьте благополучны. До свидания имею честь быть, милостивый государь мой, покорнейший ваш слуга

Иван Дмитриев.

P. S. Покорнейше прошу вас изъявить такое же мое почтение милостивой государыне Федосье Дмитриевне и поздравить ее от меня с новорожденным, а любезную мою крестницу поцеловать.

Москва, 1820 октября 21-го.

13. А. Ф. Воейкову

10 января 1823

Милостивый государь мой Александр Федорович.

На сих днях имел я удовольствие получить за весь минувший год прибавления к Инвалиду без письма, в пакете за печатью департамента Министерства народного просвещения. Вспомня, что я таким же скромным образом получал от вас последнего издания образцовые сочинения, не сомневаюсь, что и теперь вам же подарком сим обязан, почему и спешу принести вам чувствительную благодарность мою за толь милые доказательства вашей ко мне приязни.¹ Искренно желал бы, чтоб Феб хотя на минуту осиял меня в старости лет моих, дабы я мог отплатить, вам посильным моим добром: но закон природы велит мне оставаться¹ при одном только желании. По край<ней> мере могу вас уверить в отличном почтении, с которым навсегда к вам пребуду, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1823 января 10 дня.

14. В. В. Измайлову

9 марта 1823

Как кстате пришел ваш человек, почтенный Владимир Васильевич! я лишь только отправлял моего гонца с покорнейшею моею просьбою пожаловать сегодня ко мне откушать; вся беседа будет из одних поэтов; ества трезвая, но питательная, обед ранний, в 2 часа с половиною.¹ Примите благосклонно усердное мое желание и утешьте сим искренно почитающего вас покорнейшего слугу

Ив. Дмитриева.

1823. Марта 9-го, пятница.

15. Н. И. Гнедичу

29 апреля 1823

Милостивый государь мой Николай Иванович!

Спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за благосклонное ваше приветствие меня с протекшим праздником.¹ Хотя я за светскими суетами и не успел предупредить вас моим поздравлением, но тем не менее и в мыслях, и в сердце желал вам, как и всем моим добрым приятелям, провести его спокойно и приятно.

Равномерно благодарю вас и за доставление ко мне десяти портретов.² Я любовался совершенством вашей литографии. Желал бы скорее увидеть и самое издание. Давно не слыша об нем ничего, я иногда думал, не подвергнулось ли оно той же строгости, какую недавно испытал Олин.³ Кажется, уже после пятикратного очищения в горниле двух цензур можно бы пощадить его, не приводя в краску шестидесятилетнего автора.

Что же касается до произведений моей старости, — они очень не важны, и мне, право, было бы совестно помещать их в новом издании, после того, как я уже покаялся пред Аполлоном и сам осудил на забвение многие из прежних моих стихотворений. Я скропал 50 четверостишных апологов, разделенных на две книги,⁴ о которых я объяснюсь с вами через Норова. Между тем будем ожидать, как пойдет новое издание.

Впрочем препоручая себя вашей приязни, всегда для меня лестной, с совершенным почтением и уважением имею честь быть, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1823 апреля 29-го.

16. В. В. Измайлову

24 мая 1823

Милостивый государь мой Владимир Васильевич!

Приношу вам чувствительную благодарность мою за любезное ваше письмо. Хотя и сожалею, что не простясь с вами расстался, но уважаю ваши причины и уверен столько же и в заочной вашей ко мне приязни.

Вы порадовали меня вашим поручением. Но сей раз могу рекомендовать вам из известных мне книг только 1. *Mélanges de littérature et de philosophie*, par Ancillon и 2) также *Mélanges de philosophie, de morale et de littérature*, par Meister (который, помнится, выдал письма о воображении).¹ Обе книги содержат в себе очень интересные статьи. В первой мне особенно нравятся *Sur les grands caractères* и *Sur la nature de la poésie*. С первого привоза книг буду постоянно уведомлять вас о всякой вновь привезенной книге, которую почту достойною вашего <внимания>.

Поздравляю вас с прекрасным временем. Надеюсь, что оно сделает много добра вашему здоровью; по крайней мере, искренно того желаю. Между тем поручаю себя вашей приязни и пребуду навсегда с отличным к вам почтением, милостивый государь мой, покорнейшим вашим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1823 мая 24 дня.

17. О. Е. Франку

13 мая 1824

Любезный Осип Егорович!

Сделайте одолжение, потрудитесь справиться у Г. Гиппиуса,¹ живущего на Невском проспекте в доме Глазунова над косметическим магазином, не может ли он мне уступить по выбору из его тетрадей несколько портретов по записке, которую при сем прилагаю.

Знаю, что он не согласится разбивать свои тетради; но у него, верно, есть много лишних против числа сускрибентов; и в том предположении я и решился обратиться к вам и к нему с прихотливою моею просьбою.

Если будет удача, то прошу о том уведомить, тогда я пришлю к вам за них и деньги, коих причисляется 25 р.

В случае же неудачи нельзя ли постараться уговорить его к уступке хотя двух портретов: 1) Карамзина и 2) Шишкова.

За тем с почтением и привязанностью к вам навсегда пребуду вашим покорным слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1824 мая 13.

Р. S. Еще прошу вас доставить отправленную при сем к вам посылку² издателю «Полярной Звезды» гвардии драгунского полка поручику или штабс-капитану Александру Александровичу Бестужеву. Она уже давно послана была в Петербург, но на сих днях возвращена ко мне из тамошнего почтамта, будто за неотысканием его квартиры. Вы можете узнать об ней от Александра Ивановича Тургенева. Если же он не находится в Петербурге, то прошу вас отдать посылку товарищу его (по «Полярной Звезде») Рылееву, ибо в посылке находится и на его долю книга. При чем прошу вас объяснить им и причину, почему она так поздно до них доходит.

Портреты работы Г. Гиппиуса, коих желал бы иметь:

1. И. А. Крылов
2. М. М. Сперанский
3. Граф Каподистриа.
4. Шишков А. С.
5. Карамзин Н. М.

18. О. Е. Франку

26 мая 1824

Любезный Осип Егорович.

Искренно благодарю за сообщение новостей, но еще больше за ваше ко мне усердие в исполнении даже и прихотных моих желаний и за обещанный портрет Н<иколая> М<ихайловича>, но с тем условием, чтоб вы позволили мне прислать за него деньги, если он вами куплен. Признаюсь однако ж, что мне лучше бы хотелось иметь Шишкова; и по сходству, и по расположению он лучший из Гиппиусовых портретов. Предпочитаю его и потому, что не имею ни одного, а портретов Карамзина у меня много. Дождусь ли я, наконец, первых томов, начав с 1-го *Barreau français*. Я уже дал слово впредь не тешить хитрых и неучтивых парижских книгопродавцев и не покупать боле в разбивку, о чем уже и объявлено от меня здешним. Но *Barreau* и *Biographie etc.*¹ на нынешний год из того исключаю. Впрочем с совершенным моим почтением пребуду вашим покорным слугою

И. Дмитриев.

Москва, 1824 майя 26.

19. В. В. Измайлову

12 ноября 1824

Почтенный Владимир Васильевич.

Наконец желание мое и Карамзина исполнилось. Сию минуту получаю от него письмо, в котором он пишет, что государь дозволил известить вас о пожаловании вам 1200 руб. ежегодного пансиона из Кабинета.¹ От сердца радуюсь и спешу вас поздравить. Вероятно, скоро получу и копию с указа, а вы между тем готовьте благодарительное письмо к доброму императору и с первым путем дозвольте друзьям вашим обнять себя в Москве. Тогда я покажу вам всю мою переписку о пансионе. С душевным почтением преданный вам

Дмитриев.

1824. Ноября 12 дня.

20. В. В. Измайлову

13 ноября 1824

Почтенный Владимир Васильевич.

Ответ ваш смутил все мое удовольствие; в минуту был бы у вас, но я сам четвертый день сижу дома: от простуды потерял голос. Не берите труд писать ко мне, а прикажите только сказать моему посланному, каково теперь ваше здоровье и кто вас пользует. Я сейчас только писал об вас к Н. М. К<арамзину>. Дай Бог скорее увидеть вас совершенно здоровым!¹ Преданный вам

Дмитриев.

Ноября 13 1824.

21. О. Е. Франку

3 января 1825

Благодарю вас, любезный Осип Егорович, за приветствие меня с Новым годом и взаимно желаю вам всем сердцем в продолжение оногo и впредь возможного благополучия.

Благодарю вас равно и за усердие ваше по моим докукам. Сделайте одолжение, постарайтесь не пропустить случая к покупке мне *Mémoires de Fouché*, когда их получат, а об настоящем титуле Байроновой книги наведаетесь от Н. М. К<арамзина>. Если «Дон Жуан» — та самая, которой я отыскивал, то прошу и ее ко мне доставить.¹ Да прошу вас еще поручить кому-либо из ваших книгопродавцев выписать для меня *Histoire critique du Vieux Testament, par Richard Smidt* и подписаться для меня на новый журнал «Библиографические листы», издаваемые Кеппеном. Подписка у издателя или у книгопр<одавца> Свешникова, с пересылкою за 15 р. в год, которую сумму при сем к вам и препровождаю, при чем предупреждаю вас, что я желаю получать листы непременно с почтою, а не с обозом.

Измайлов столько же, как и я, чувствителен к вашему старанию и об его пансионе. С нетерпением буду ожидать от вас копии с предписания М. К. П. Между тем обнимаю вас с чувством искреннего к вам внимания и привязанности и пребуду навсегда вашим покорным слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1825 января 3-го дня.

22. Н. И. Гнедичу

14 января 1825

Милостивый государь мой Николай Иванович!

Спешу изъявить вам чувствительную благодарность мою за почтенное ваше письмо и приложенный при нем подарок, многоценный для меня как залог вашей приязни и как любопытная новость в нашей словесности.¹ Итак, посвящая с давних лет бдения ваши на изучение отца песнопевцев древней Эллады, вы уделите несколько минут и для славы возрождающегося его потомства!

Сей случай подает мне повод объяснить с вами о том, что давно лежит у меня на сердце: по издании моих сочинений я послал к вам экземпляры оных, — но без письма и надписания. Может быть, вы приписали это моему неучтивству: но я искренно могу вас уверить, что одна только совестливость моя была тому причиною: мне казалось неприличным рассылать хотя и собственное сочинение, но соединенное с моею биографией, похожей даже на панегирик. Таким же образом и по той же причине доставил я экземпляры и к прочим моим приятелям и братьям о Аполлоне.²

Закрываю мое письмо поручением себя в продолжение вашего ко мне благорасположения и приветствием с благополучным достижением новолетия. Без дальнейших фраз скажу: будьте в нем и вперед счастливы, сколько можно.

Между тем с чувствами душевного к вам почтения имею честь быть, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1825. Января 14 дня.

23. В. В. Измайлову

7 августа 1825

Милостивый государь мой Владимир Васильевич.

Чувствительно благодарю вас за милое и обязательное ваше писание. Оно доставило мне удовольствие на минуту будто с вами беседовать.

Карамзин хотя и не хвалится своим здоровьем, жалуясь, что оно мешает ему работать с прежнею деятельностью, однако ж в минувшем месяце посещал Новгородские поселения (вероятно, в угодность государю) и был весьма обласкан их начальником, а потом пировал на Петергофском празднике.¹ Я не премину порадовать его дружеским вашим воспоминанием.

Насчет первых двух томов записок г-жи Жанли я совершенно с вами согласен. Вчера получил я из П<етер>б<урга> еще две части; кажется, и в них та же болтовня о мелочах; но я надеюсь, что последние четыре будут занимательны.²

Здесьние фр<анцузские> книгопродавцы в большом унынии. П<етер>б<ургская> цензура стала еще строже. Не пропускает ни Вольтера, ни Прада, ни Байрона, ни Анньюара политического, ниже известного вам романа Дон Алонзо, — но между тем, к удивлению моему, пропущено новое издание Белева словаря, в 8-ю долю, в 14 томах.³

О нашей словесности и говорить нечего. Так много скопилось у нас гениев, что они от тесноты почти задохлись и чуть шевелятся, а прочие фолликулеры друг друга бранят или хвалят.⁴ На сих днях М<осковский> университет получил нового попечителя в особе А. А. Писарева.⁵

Наконец скажу вам о себе, что я в июне побывал в отчизне.⁶ Три части записок моих кончены.⁷ Первая уже и переписана набело. Теперь занимаюсь примечаниями ко всем частям.

Надеюсь, что и вы, почтенный В. В., отплатите мне вашею откровенностью: я нетерпеливо желал бы видеть плоды и ваших занятий. Если вы между прочим написали или напишете стихами или прозою в роде мелких произв<едений>, то прошу вас сообщить ко мне и позволить отдавать их в «Телеграф». Издатель этого журнала хотя еще и не натерел в слоге, но умнее других и приближается более к европейскому журналисту.⁸ Бодрствуйте и любите искренного и преданного вам почитателя

Ивана Дмитриева.

Москва, 1825 августа 7 дня.

24. В. В. Измайлову

27 октября 1825

Милостивый государь мой Владимир Васильевич!

Как мне тяжело было так долго казаться пред вами виноватым! Вот что тому было причиною: я до сего времени еще не вижусь с Полевым, который сам напросился на знакомство; два раза только был, и не знаю за что, перестал ходить ко мне. Наконец я передал предложение ваше товарищу его кн. Одоевскому. Он отвечал мне решительно за себя и Полевого, что для них было бы невыгодно и даже накладно согласиться на требуемую сумму; что для их журнала уже приискан ими переводчик за 300 р. в год, и к тому же для них достаточно будет и одного, поелику они желают наполнять журнал свой более оригинальными сочинениями.

Очень жалею, что не мог сказать вам лучших вестей. Между тем нетерпеливо желаю скорее с вами увидеться и с душевным почтением навсегда пребуду, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1825 октября 27 дня.

25. Н. И. Гнедичу

22 апреля 1826

Милостивый государь мой Николай Иванович!

Снисхождение претолкователя Омира к переводчику тощих четверостиший и притом французской работы не ослепят его самолюбия: я сам чувствую всю маловажность этой игрушки;¹ но по крайней мере доволен тем, что она доставила мне удовольствие получить обязательные ваши строки, за которые я спешу принести вам искреннюю благодарность мою и вместе поздравить вас с наступившим торжеством христианского мира.

Между тем от глубины души беру я участие в болезненном положении вашем. Даруй Боже скорейшее вам облегчение к отраде Пиерид и искренних ваших друзей и почитателей.²

Благодарю еще вас и за то, что вы вспомнили невинную прихоть старика, который покоряется, так же, как и другие, народному приговору: старый что малый; равно и за приятную для меня надежду — повидаться еще с давним приятелем, почтенным Алексеем Николаевичем.³

Впрочем с душевным почтением моим имею честь быть, милостивый государь мой, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1826. Апреля 22 дня.

26. В. В. Измайлову

19 июня 1826

Препровождаю к вам при сем, почтенный Владимир Васильевич, письмо от Дашкова;¹ содержание его мне почти известно, и я поручусь за него, что он за удовольствие сочтет исполнить вашу волю, коль скоро с отпуском получит больше досуга. Что мне сказать вам о самом себе? Вы должны знать всю меру моей скорби.² Катерина Андреевна уже отправилась в Ревель с детьми и Вяземским, который в июле возвратится в Москву.

Ежели вам неизвестно, то сообщаю, что уже вышло из печати и продается донесение следственной комиссии. В одно время получено два издания: одно в лист, и продавалось Ширяевым по 25 р. экземпляр, а другое в осьмушку, и раздавалось даром подписавшимся на «Инвалид».³ Книг еще нет в привозе. Видно, нам и в этом году сидеть за «Вестником Европы». Искренний ваш почитатель и преданный слуга

И. Дмитриев.

Июня 19-го.

27. В. В. Измайлову

9 августа 1826

Почтеннейший Владимир Васильевич!

Здесь открывается цензурный комитет на новом положении: независимый от Университета, состоящий в председателе и трех членах. Сейчас был у меня А. А. Писарев и спрашивал меня, можно ли надеяться, что вы примете звание первого, которому жалованье назначается едва ли не семь тысяч.¹ Не зная, что сказать ему, я испросил у него позволение довести о том до вашего сведения.² Не худо бы вам поспешить приездом своим к нам хоть дня на два. Тогда могли бы переговорить с ним лично и между тем познакомиться и с министром.³

О себе же ничего не могу сказать доброго. Хилею душевно и телесно; но привязанность моя и душевное почтение к вам бодрствуют в прежней силе. Преданный вам
Дмитриев.

Августа 9-го 1826. М<осква>.

28. В. В. Измайлову

21 марта 1827

Почтеннейший Владимир Васильевич!

Скоро по вашем отъезде приехал ко мне Вяземской. Я не вытерпел и показал ему ваши стихи¹ — разумеется, когда уже Волкова² не было. Слушая их, он разделял мое удовольствие, но между тем заметил, что лучше бы сказать вместо новом, прежнем. Еще остановился на предпоследнем стихе: Сам прах... парит из гроба. Он думает, что лучше бы сказать дух. Я и сам согласился бы с ним, но, перечитывая после его ваши стихи, одумался, что дух уже не может быть в гробе. Любя и ваш талант, я вменил себе в долг скорее сообщить вам о том: может быть, вы рассудите этот стих переделать, хотя бы то было с ущербом нашего бессмертия. Всею душою почитающий вас и преданнейший вам

И. Дмитриев.

1827. Марта 21. Вечером.

29. В. В. Измайлову

22 марта 1827

Благодарю вас, почтеннейший Владимир Васильевич, что вы снисходительно приняли нескромность двух ваших почитателей. Я очень доволен вашей поправкою, и остается мне только желать скорее увидеть их в печати. Обнимает вас преданный вам
И. Дмитриев.

1827. Понедельник. Марта 22-го.

30. О. Е. Франку

21 июня 1827

Любезный Осип Егорович.

Я не помню, с кем я получил последнюю посылку ливрезонов Вольтера, а не Руссо, как сказано мною в письме¹ ошибкою; но знаю, что она ко мне доставлена марта 28, а после того уже не получал ни одного ливрезонов. Всех же теперь у меня 40. Самый последний лист сорокового ливрезонов начинается: par les derniers remarques sur les pensées de Pascal, а оканчивается par professions de foi и 1612 страницей. Полная же книга должна состоять из 70 или 75 ливрезонов, почему я и встревожился, получаю извещение от Измайлова, что по словам Д. Н. Б<лудова> посланы ко мне последние ливрезоны, которых я не получил еще и до сего времени. Все эти подробности сообщаю вам на тот конец, чтоб лучше могли справиться, есть ли мне надежда получить последние ливрезоны, или они уже были посланы, да пропали.²

Что же касается до худого успеха представления Московского ген<ерал> губ<ернатора> о моем племяннике, то остается только пожалеть, что ищут не судью, а коллежского только советника.³

Затем свидетельствую вам искреннее мое почтение, с коим навсегда пребуду покорнейшим вашим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1827 июня 21-го.

31. В. В. Измайлову

15 февраля 1828

Сообщая вам, почтенный Владимир Васильевич, 4 ном<ер> Вестовщика,¹ нетерпеливо желаю знать о вашем здоровье: прошла ли ваша простуда? Пришлю и книги, как скоро получу от переплетчика. Преданный вам

Дмитриев.

Февраля 15 1828. Москва.

32. В. В. Измайлову

17 февраля 1828

Не беру на свой счет, почтенный Владимир Васильевич, благотворного действия на ваше здоровье. Скорее уступлю моему сердцу, которое искренно желало вам совершенного выздоровления.

Книги при сем посылаю; надеюсь скоро сообщить и барона.¹ Очень, очень рад вашим добрым вестям. Дай Бог вам и еще лучшего, а мне скорейшего с вами свидания. Преданный вам

Дмитриев.

М<осква>. Февраля 17 1828.

33. В. В. Измайлову

12 октября 1828

Чувствительно благодарю вас, любезнейший Владимир Васильевич, за ваше одолжение; позвольте мне и впредь прибегать к вам в подобном случае. Книги тотчас пришлю, как скоро получу оба тома от двух чтецов. Между тем прошу вас принять от меня, в залог дружеского радушия, астраханский гостинец, теперь лишь только полученный. С душевным почтением преданнейший вам

И. Дмитриев.

1828 октября 12, пятница.

34. В. В. Измайлову

12 сентября 1829

Я провел праздник мой спокойно, с полной доверенностию к радушному хозяину, следственно и приятно; но мне очень грустно, любезный и почтенный Владимир Васильевич, видеть вас недовольным положением. Ради дружбы, будьте мужественнее и не предавайтесь отчаянию. Природа довольно дала вам сил в душе и рассудке, чтобы противустать фортуне. Всем сердцем обнимает вас преданный вам

Дмитриев.

М<осква>. Сентября 12 1829.

35. В. В. Измайлову

22 апреля 1829

Хотя и выезжаю, но очень не по себе, почтенный Владимир Васильевич. В четверг¹ располагаюсь весь день быть дома. Очень рад буду, если не откажитесь разделить со мною вечер.

О Кузнецове² я не позабыл, но он уже давно болен и не выходит из дома. Одна-кож пошлю об нем проведать.

Сейчас получил письмо от Вяземского,³ а на днях от Карамзиных. Хочется вам прочесть их. Между тем мысленно обнимает вас преданный вам

Дмитриев.

Р. С. Фельца⁴ 4 тома при сем к вам посылаю.

Апреля 22 д<ня>.

36. В. В. Измайлову

1820-е гг.

Почтеннейший Владимир Васильевич.

Вы не можете представить, как мне больно было лишиться себя удовольствия с вами видеться, когда вы ко мне приезжали. Соседка моя¹ звала меня на чай, и уже мы сидели за чайным столом; она никак не хотела меня отпустить, и тем более, что думала под сим предлогом иметь честь познакомиться с вами, чего давно желает. Простите меня великодушно и уверьте меня в том на самом деле: я весь день дома и сердечно желал бы провести его с вами, если не будет дождя или какой-нибудь другой роскоши русского неба. Очень, очень одолжили бы тем преданнейшего вам неизменно

И. Дмитриева.

Апреля 30-го.

37. В. В. Измайлову

1820-е гг.

Ах! любезнейший и почтенный Владимир Васильевич! Как вы могли подумать, чтобы я когда-нибудь мог измениться в моем к вам расположении. Я давно знаю вас и всегда в вас уверен. Напротив, уважение мое к вам растет день от дня, чем чаще бываю с вами. Сегодня я наверное дома и очень рад, если вы доставите мне удовольствие провести вечер с вами. Преданный вам

Дмитриев.

38. В. В. Измайлову

1820-е гг.

С позволения вашего, почтенный Владимир Васильевич, уведомляю вас, что завтре с пятого часа пополудни я дома и буду очень рад, если пожалуете ко мне и привезете ваши бумаги. О том возвещено от меня и Николаю Дмитриевичу.¹

С нежною приязнью обнимает вас преданный вам

И. Дмитриев.

Четверг.

39. В. В. Измайлову

1820-е гг.

Благодарю вас, любезный Владимир Васильевич, за книгу Р. И.¹ Все новые мои книги отданы в переплет. Коль скоро получу их, то не преминую доставить к вам попрежнему. Между тем от всей души желаю возвращения <?> вашего здоровья и с искренним почтением имею честь быть преданный вам

Дмитриев.

Вторник.

40. В. В. Измайлову

1820-е гг.

Завтре с 8 или девятого часа готов принять вас, почтенный Владимир Васильевич, но в половине 10-го уже буду вне дома, а обедать буду за Симоновым монастырем. Дай Бог, чтобы предлог вашего посещения не смутил моего спокойствия по участию, которое я в вас принимаю. Преданный вам

Дмитриев.

41. В. В. Измайлову

1820-е гг.

Почтеннейший Владимир Васильевич.

Видеть добрых приятелей чем скорее, тем приятнее. Итак, спешу вас уведомить и прошу вас передать Василью Львовичу,¹ что я рад принять вас обоих и сегодня, если пожалуете в половине седьмого часа или в шесть часов. Будем ловить настоящее, а вперед неизвестно еще, что будет. Преданнейший вам

Дмитриев.

Понедельник.

42. В. В. Измайлову

1820-е гг.

Почтеннейший Владимир Васильевич.

Я сам очень согласен с образом ваших мыслей, изъясненных в вашей записочке. И желал бы о том же поговорить с вами лично, если бы ваш добрый гений внушил в вас сегодня обрадовать беседой вашей, и приятной, и дельной преданнейшего вам от всего сердца

И. Дмитриева.

P. S. Вечер прекрасный, и я до самой ночи верный страж моих кресел.

43. Н. И. Гнедичу

18 января 1830

Милостивый государь Николай Иванович!

С живейшим удовольствием принял я от Михаила Николаевича Загоскина драгоценный ваш подарок,¹ истинно для меня драгоценный: и по внутреннему его достоинству, и по уважаемой мною вашей приязни, и по моему патриотизму, гордящемуся всем тем, что служит к славе любезной нашей отчизны.

Итак, почийте отныне на ваших лаврах, почтеннейший классик! наслаждайтесь собственным чувством заслуг своих и благодарностью от тех, которые умеют отдавать им полную справедливость.

Вместе с ними покорнейше прошу вас, милостивый государь, принять от меня уверения и в совершенном почтении, равно как и преданности, с коими навсегда имею честь пребыть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою

Иван Дмитриев.

Москва, 1830 января 18 дня.

44. Н. И. Гнедичу

27 декабря 1832

Милостивый государь Николай Иванович!

Приятно начинать год благодарностию: примите же оную от глубины души моей за драгоценный для меня ваш подарок.¹ Стихотворения ваши подарили меня самым теплым и ясным утром. Я нарочно для них отложил мою обыкновенную прогулку и не отстал от книги, пока не дочитал ее. К сугубому моему удовольствию нашел в ней много стихов, которые по скромности вашей до меня не доходили.

Но я, увлекаясь моим чувством, чуть не позабыл, что начал Новым годом. Итак, позвольте мне заключить мои строки искренним приветствием вас с благополучным достижением оногo и сердечным желанием вам лучшего здоровья и душевного спокойствия на многие, многие годы.

Между тем с совершенным почтением и преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнейший слуга

Иван Дмитриев.

Москва, 1832 декабря 27.

45. А. П. Глинке

12 марта 1833

Милостивая государыня Авдотья Павловна.

С чувствительною благодарностию к вам и Федору Николаевичу возвращаю при сем Новоселье,¹ которое по некоторым пьесам обмолвкою называют и Пустомелье. Однакож я с большим удовольствием прочитал «Незнакомку», «Большой выход» и «Воспоминания» Греча. Первые две игривы и замысловаты, а последняя полюбилась мне рассказом и опрятным, благородным, по-нынешнему чопорным, аристократическим слогом. То же скажу и о бригадире. Проза вообще на сей раз перешибла гениальную поэзию. Хотел бы знать, кто этот барон Брамбеус.²

Простите меня, что я вчера взял смелость отвечать вам не письменно, а словесно. Письмо ваше застало меня за обедом, и я не смел задержать вашего посланца. Очень благодарен Александру Николаевичу³ за приглашение, а вам за передачу оногo. Мне жаль было, что не мог воспользоваться удовольствием быть на его концерте: уже дано было слово г. Сонцеву.⁴

Надеюсь, что завтра почтенная и милая чета Поэтов не позабудет моего чая, в ожидании чего с душевным почтением пребуду к ней преданнейшим слугою

И. Дмитриев.

Воскресенье марта 12 дня.

46. В. А. Жуковскому

Вторая половина августа 1835

Здравствуйте, любезнейший Василий Андреевич. Я сдержал мое слово и нетерпеливо желаю как можно скорее с вами увидеться. Между тем заочно вас обнимаю.

P. S. Я пишу к вам из высоких чертогов Наталии Яковлевны.¹ Она поручила мне сказать вам, что свидание наше будет у нее и что мы будем ждать вас до 12 часу ночи. А я еще прибавлю, что и Дашков намеревается пригласить вас к нему обедать в пятницу.

КОММЕНТАРИИ

Сохранившееся эпистолярное наследие Ивана Ивановича Дмитриева довольно велико по объему. В библиографическом указателе по истории русской литературы XIX в. под ред. К. Д. Муратовой зарегистрировано 380 опубликованных писем;¹ к ним нужно добавить маленькую приписку Дмитриева в письме Е. И. Кострова И. П. Бекетову, напечатанную Н. М. Левиной.²

Как ни внушительны эти цифры для писателя, творившего на рубеже XVIII и XIX вв., они дают нам лишь отдаленное представление о реальном объеме переписки Дмитриева. Чрезвычайно пунктуальный и аккуратный корреспондент, он систематически поддерживал переписку с обширнейшим кругом своих литературных, светских, домашних знакомых; он отправлял десятки и даже сотни писем деловых и семейных, — и делал это на протяжении более полустолетия. Подавляющее большинство этих писем утрачено безвозвратно. До нас дошло 358 писем Карамзина к Дмитриеву, но мы не знаем ни одного письма Дмитриева к Карамзину и к семейству Карамзиных, с которым он поддерживал переписку и после смерти своего многолетнего друга и литературного соратника. Не сохранились письма Дмитриева к Д. Н. Блудову — одному из наиболее близких к нему литераторов; — к Д. В. Дашкову, хотя известны ответные письма того и другого; наконец, почти полностью исчезли письма Дмитриева за XVIII век, — их сохранилось немногим более десятка. Этот перечень легко продолжить, — но и приведенных примеров достаточно, чтобы утверждать, что наиболее существенный период литературной жизни Дмитриева почти не документирован эпистолярными материалами.

Этим обстоятельством отчасти объясняется тот факт, что письма Дмитриева никогда не были самостоятельным предметом историко-литературного изучения и в лучшем случае привлекались как материалы для биографии. Принято считать, что литературный путь Дмитриева оканчивается с выходом «Сочинений и переводов» (1803—1805) и что последние четверть века он проводит в Москве в «праздности благородной», «поклоняемый и славимый», благосклонно принимая знаки уважения и развлекая гостей мастерскими рассказами о временах Екатерины и Павла. Проблема

¹ История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой. Л., 1962, с. 288—289, 841. Указание на письмо к «А. С. Котову» в № 6244 — опечатка; это письмо к А. С. Норову, зарегистрированное в соответствующем месте алфавита.

² Левина Н. М. Два неопубликованных письма Е. И. Кострова. — В кн.: XVIII век, сб. 3. М—Л., 1958, с. 507.

литературной позиции Дмитриева в XIX в. молчаливо считается проблемой периферийной, и вопрос о воздействии его на литераторов XIX в. возникает изредка и от случая к случаю. Мы можем назвать лишь единичные работы, в которых он поднимается специально.³

Следствием этого невнимания оказалось почти полное прекращение публикаторской работы. Последняя по времени публикация, посвященная позднему Дмитриеву, относится к 1922 г. Между тем материалы далеко не исчерпаны: по нашим, очень неполным, данным, в архивохранилищах

Ленинграда и Москвы находится не менее полутора ста неизданных писем Дмитриева.⁴ Из их числа нами отобрано около пятидесяти. Их историко-литературная ценность, конечно, меньше тех, которые уже известны в печати — например, писем к Жуковскому, Вяземскому, А. И. Тургеневу, Пушкину, — однако они дают, как нам представляется, весьма небезынтересный материал для характеристики их автора и его связей с литературной жизнью первой трети XIX столетия.

Самые ранние из писем в нашей публикации относятся к марту-апрелю 1797 г. и адресованы старшему брату Дмитриева Александру Ивановичу, офицеру и литератору, другу Карамзина. Они несут на себе след пережитых потрясений, нынешних хлопот и даже грядущих бед, — они пишутся через три месяца после ареста Дмитриева по обвинению в злоумышлении против государя, в период тяжбы о наследстве и накануне смерти брата, уже тяжело больного. Вместе с тем в них звучит нота оптимизма: Дмитриев ожидает награды за «претерпение»; его ласкают при дворе; он в преддверии благодетельных перемен в своей судьбе. Во втором письме он сообщает об отъезде в Москву; он едет на коронационные торжества, — и с этого времени начнется восхождение его по служебной лестнице.

Далее — лакуна, занимающая полтора десятилетия. Эти годы были наполнены событиями общественными и литературными. С 1802 г. Дмитриев жил в Москве; здесь он выпустил три части «Сочинений и переводов», здесь же он застал начало полемики Шишкова с Карамзиным, которая коснулась и его самым непосредственным образом. Вокруг него и вокруг Карамзина собираются адепты — старые и новые; в маленьком деревянном доме, окруженном садом, собирается на литературные чаепития приватный дружеский кружок: Карамзин, И. П. Тургенев, Херасков, Козлятев; второе поколение — кн. П. И. Шаликов, В. Л. Пушкин, бывший сослуживец по гвардии, которого

³ См.: Чулицкий В. М. 1) И. И. Дмитриев. — ЖМНП, 1902, № 3, с. 171—193; № 4, с. 355—397; № 5, с. 17—53; 2) Из писательских отношений десятых годов XIX столетия. (По поводу писем И. И. Дмитриева, помещенных в «Русской старине», 1903, № 12). — ИОРЯС, 1904, т. 9, № 3, с. 299—338; Макогоненко Г. П. 1) Пушкин и Дмитриев. — Рус. Лит., 1966, № 4, с. 19—36; 2) «Рядовой на Пинде воин». (Поэзия Ивана Дмитриева). — В кн.: Дмитриев И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967, с. 5—68.

⁴ Отнюдь не претендуя на полноту, перечислим здесь известные нам неопубликованные письма Дмитриева в архивохранилищах Ленинграда и Москвы: А. Я. Булгакову (1815—1837, 11 писем, одно приведено выше) — ГБЛ, ф. 41.77.60; К. Я. Булгакову (1820-е гг., 2 письма) — там же, ф. 41.77.61; Г. И. Вилламову (1813—1814, 3 письма) — ГПБ, ф. 143 № 43; А. В. Всеволожскому (1815, 2 письма) — ЦГИА, ф. 652 оп. 1 № 135; В. Ф. Вяземской (1830) — ЦГАЛИ, ф. 195 оп. 1 № 3297; А. П. Глинке (б. д., одно письмо публикуется нами). — ЦГАЛИ, ф. 141 оп. 1 № 565; С. Н. Глинке (1827) — ЦГАЛИ, ф. 1051; ему же, 1815 — ЦГАЛИ, ф. 141; Н. И. Гнедичу (б. д.) — ГПБ, ф. 197 оп. 1 № 44; Н. П. Голицыной (1814, 2 письма) — ГБЛ, Вязёмы, 98.31; Д. В. Давыдову (1836) — ГБЛ, 479.1.2; М. Д. Деларю (1831) — ЛОИИ; А. И. Дмитриеву, с обращением и к М. А. Дмитриевой и припиской С. И. Дмитриева (б. д.) — ЦГАЛИ, ф. 1060 оп. 1 № 12; В. Н. Каразину (1820-е гг.) — ГБЛ, ф. 32.16.4; С. Д. Киселеву (до 1827) — ГБЛ, ф. 129.16.64; Н. И. Кривцову (1819) — ГПБ, ф. 52 № 244; А. И. Михайловскому-Данилевскому (1818—1823, 2 письма) — ИРЛИ, ф. 527 оп. 1 № 124; неизвестному (Фердинанду Лукьяновичу. 1829) — ИРЛИ, ф. 196 № 126; А. И. Новиковой (1831) — ЦГАЛИ, ф. 1060 оп. 1 № 13; С. Н. Озерову (1811—1812) — ЦГАЛИ, ф. 1060 оп. 1 № 1; Е. А. Пиль (1819) — ЦГАЛИ, ф. 1060 оп. 1 № 14; А. А. Писареву (1818—1825, 6 писем) — ГБЛ, ф. 226.3.63; П. И. Полетике (1818 и б. д.) — ЦГАЛИ, ф. 1060 оп. 1 № 15; В. С. Попову (1810-1812) — ГПБ, ф. 609 № 166; В. Л. Пушкину (б. д.) — ЦГАЛИ, ф. 1142; переписка с М. М. Сперанским (1809—1812) — ЦГИА, ф. 1409; О. Е. Франку (1820—1830-е гг.); (из них нами публикуется четыре) — ИРЛИ, ф. 265 оп. 2 № 900.

сам же Дмитриев приохотил к стихам; Владимир Васильевич Измайлов (1773—1830), литературный протеже давнего соратника Карамзина и Дмитриева В. С. Подшивалова. Измайлов печатался в подшиваловском «Приятном и полезном препровождении времени» и в «Аонидах» Карамзина; в 1799 г. Карамзин сообщал Дмитриеву, что молодой писатель ездил по Крыму и Кавказской линии и готовится издать книжку.⁵ В этой книжке — «Путешествии в полуденную Россию» (1800—1801) — Карамзин находил парафразы своих периодов и посмеивался, что Измайлов не читал по-русски ничего, кроме «Моих безделок».⁶ В 1804 г. он издавал журнал «Патриот», в критических статьях которого слышались эстетические мнения Дмитриева.⁷ Наконец, третье поколение представлял будущий «Арзамас».

В доме И. П. Тургенева Дмитриев встречается с сыновьями хозяина; двое старших — Андрей и Александр — захвачены литературными интересами. Они — питомцы Московского университета и благородного пансиона, как и их друзья — А. Ф. Воейков и В. А. Жуковский, и младшие — Д. В. Дашков и С. П. Жихарев. Все они в большей или меньшей степени — в орбите воздействия Карамзина; литературная деятельность многих из них начинается на глазах Карамзина и Дмитриева. Жуковский, Воейков печатаются в карамзинском «Вестнике Европы». Когда полемика о «старом и новом слог» достигает московских журналов и приводит к расколу среди московских словесников; когда граф Д. И. Хвостов и старинный враг Карамзина П. И. Голенищев-Кутузов объединяются против «слезливых писателей» на страницах «Друга просвещения», а прежний соратник М. Т. Каченовский в том же «Вестнике Европы» печатает критический разбор сочинений Дмитриева, — «русский Лафонтен» ждет помощи в первую очередь от них. Он не ошибается: голос в его защиту поднимает Дмитрий Николаевич Блудов (1785—1864), — и Дмитриев оценил его усилия. Письмо его к Блудову, написанное через семь лет после этой полемики, — единственное сохранившееся письмо — дышит пылом литературных баталий, играет красками памфлета. Это почти «арзамасское» письмо, написанное за два года до возникновения общества «почетным членом», или «почетным гусем», «Арзамаса» будущему его основателю. Весь будущий арзамасский круг собирается в Петербурге у Дмитриева: Александр Тургенев, Блудов, Дашков, Батюшков; любимый его воспитанник, «пюпиль» Д. П. Северин, Жихарев.⁸ Но при организации «Арзамаса» Дмитриев не присутствует. За годы своего министерства он обострил отношения с сенаторами и членами кабинета; возникла оппозиция, сумевшая поколебать доверие к нему Александра I. Дмитриев слагает с себя полномочия министра и возвращается в Москву. Первое из московских писем нашей публикации — к В. В. Измайлову от 21 сентября 1814 г. косвенно, намеком, рисует нам его тогдашние настроения: он замечает и оценивает статью Измайлова, где содержится намек на его безукоризненную государственную службу.

Начинается последний, московский период жизни Дмитриева, продолжающийся двадцать лет, — и к нему относятся все остальные публикуемые письма. Теперь изменились и положение Дмитриева, и его литературная среда. Карамзин жил в Петербурге; Херасков с женой, Козлятев, И. П. Тургенев умерли. От старого кружка остались Шаликов, В. Л. Пушкин, к которым Дмитриев всегда относился иронически. Чувство одиночества нарастает с годами; оно прорывается в письме к Жихареву (см. № 12); через 12 лет оно выльется в горькую жалобу в письме к П. П. Свиньину: «Буду коротать долгие и темные вечера одинокий, говорить не с кем; для чтения глаза уже и днем пло-

⁵ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 113.

⁶ Вчера и сегодня, кн. 1. СПб., 1845, с. 58.

⁷ Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.—Л., 1959, с. 100—102; Кряжмская И. А. Из истории русской театральной критики конца XVIII—начала XIX века. — В кн.: XVIII век, сб. 4. М.—Л., 1959 с. 218—222

⁸ Чулицкий В. М. И. И. Дмитриев. — ЖМНП, 1902, № 4, с. 373—374; Жихарев С. П. Записки современника. М., 1955, по указ.

хи».⁹ М. А. Дмитриев обмолвился однажды: дядя его был благодарен А. А. Волкову и Н. Д. Иванчину-Писареву за то, что они «не скучали проводить с ним вечера, когда другие об нем и не вспоминали».¹⁰ Единственным постоянным его собеседником становится В. В. Измайлов; он живет под Москвой, в Верее, в своем сельце Тихомирове, занимаясь ботаникой и перечитывая Руссо, — и Дмитриев нередко вынужден дополнять устное общение письменным. Измайлов был личностью не вполне обычной и, во всяком случае, привлекавшей внимание: человек европейски образованный, практический филантроп, распространивший руссоистские принципы на свою семейную жизнь и на быт своих крестьян, — литератор и философ, впрочем, не без некоторых странностей,¹¹ он в это время оказывается одним из ближайших к Дмитриеву людей. Когда он умер — 3 апреля 1830 г., — Дмитриев писал П. Д. Иванчину-Писареву: «Мне очень жаль его. Теперь остается умереть мне и еще немногим остальным крохам поколения, уже отпетого новыми журналами».¹² «Вы любили его, — обращался тогда же к Дмитриеву Вяземский, — и имели в нем собеседника, с которым можно было вам меняться не одними словами, а и мыслями».¹³

Письма Дмитриева к Измайлову отчасти вводят нас в атмосферу этих беседований, — и в этом отношении они стоят особняком среди всего эпистолярного наследия Дмитриева. В них стареющий поэт столь же откровенен, как, например, в письмах Вяземскому, Жуковскому, А. Тургеневу — и, может быть, даже более, так как Измайлов ближе ему по возрасту и, кроме того, полный его единомышленник и постоянный посетитель дома. Их сближают и общие интересы: подобно Дмитриеву, Измайлов — библиофил, истративший на библиотеку свое небольшое состояние. Самые вкусы у них общие — они читают Ансильона, мемуары Жанлис, Мей-стера — философов и политических писателей преромантического периода.

«Книжные» темы занимают в переписке Дмитриева совершенно исключительное место. Для одинокого, свободного от службы и холостого человека библиофильство и коллекционерство становятся страстью. О великолепной библиотеке и художественной коллекции Дмитриева пишут все мемуаристы. Книги связывают Дмитриева с миром литературы и политики. И здесь мы сталкиваемся с неожиданным на первый взгляд явлением. Признанный глава «легкой поэзии», автор басен и иронических сказок интересуется почти исключительно исторической, справочной и мемуарной литературой. Только очередных «ливрезонов» миниатюрного-«дидотовского» издания Вольтера он добывается с почти фанатическим упорством в течение нескольких лет, — но это интерес скорее библиофильский. Вольтер известен Дмитриеву с юности; это один из любимых его писателей, приверженность к которому он сохранил и тогда, когда развернулась антивольтеровская кампания и цензура запретила статью о нем Вяземского. Дмитриев не мог скрыть своего раздражения. «Удивительно, — писал он А. Тургеневу 2 июля 1819 г., — если запрещена за то только, что он хвалит талант Вольтера. Один только безграмотный калмык может не хвалить его».¹⁴

Но, быть может, и Вольтер привлекает сейчас Дмитриева не столько как поэт, сколько как публицист и философ. Он просит достать ему сочинения Прадта, записки Лас-Каза, Фуше и Жанлис, мемуары Б. Констана о стодневном правлении, книги о Наполеоне на острове Св. Елены. Этот преимущественный интерес к Наполеону он делит с Карамзиным, — и многое знает раньше Карамзина: у него больше времени для чтения и шире информация: он читает каталоги и не устает настоятельно просить

⁹ Рус. старина, 1899, № 3, с. 690.

¹⁰ Дмитриев М., с. 150.

¹¹ *Иванчин-Писарев* Н. О Владимире Васильевиче Измайлове. — Лит. газ., 1830, 22 ноября, № 66, с. 243.

¹² *Дмитриев*. Соч., т. 2, с. 300.

¹³ Рус. архив, 1868, № 4—5, с. 610.

¹⁴ *Дмитриев*. Сочинения, т. 2, с. 250.

о книгах знакомых за границей — Блудова, Кривцова, Вяземского; он ищет способов получить книги, запрещенные русской цензурой. «Чувствительно благодарю ваше превосходительство, — пишет он московскому почт-директору А. Я. Булгакову, — за сообщение мне нового журнала и смею вас уверить, что все условия, каких требует от меня признательность и осторожное благоразумие, будут мною свято исполнены к оправданию и впредь вашего ко мне обязательного доверия. Между тем с совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего превосходительства почтеннейшим слугою И. Дмитриев. Сего марта 5 дня 1834».¹⁵ В Петербурге у него есть постоянный комиссионер — О. Е. Франк, выполняющий более всего его книжные поручения.¹⁶

В то же время он внимательно следит и за русскими литературными новинками. Русская часть его библиотеки состоит главным образом из присылаемых книг. Почти все публикуемые нами письма Дмитриева к петербургским литераторам — благодарности за полученные подарки.

Эти письма показывают диапазон его литературных общений: Гнедич, Батюшков, Воейков, Бестужев с Рылеевым... Связи их с Дмитриевым были известны и раньше; нам важен характер общения и проступающие, хотя и скупо, детали взаимоотношений: прохладное и не лишённое иронии, хотя и положительное в целом, отношение к Воейкову; чисто официальные связи с издателями «Полярной звезды»; постепенно приобретающая все более дружеский тон переписка с Гнедичем. С Гнедичем Дмитриева сближает Батюшков. Еще в 1811 г. отзывы Гнедича о Дмитриеве настороженно-недоброжелательны,¹⁷ — и Батюшков буквально провоцирует его написать Дмитриеву письмо, положившее начало обмену книгами и переписке (№ 9).

Из всех этих новых писем письма к Федору Николаевичу Глинке представляют, вероятно, наибольший интерес. Глинка устанавливает связи с Карамзиным и Дмитриевым сразу же после возвращения из заграничного похода 1814 г.; в 1816 г. он уже знакомится с Карамзиным лично и бывает в доме.¹⁸ В эти годы разворачивается деятельность Глинки в Обществе военных людей и Союзе Благоденствия. Он ищет поддержки у Карамзина и Дмитриева — и не без некоторого успеха. Как и Глинка, Дмитриев сочувствует идее народного просвещения: в 1826 г. он будет покровительствовать крестьянскому мальчику, поэту-самоучке; в 1832 г. с негодованием примет известие, что «лопатинский крестьянин, уже в оригинале читавший Шиллера и Гете», исключен из университета.¹⁹ Естественно, что он с одобрением принимает просветительные брошюры Глинки для солдат и крестьян, — и Глинка делает его мнение достоянием печати, а тем самым орудием пропаганды идей Союза Благоденствия.

Это лишь один — и не самый яркий — случай социального функционирования писем Дмитриева. Не будет преувеличением сказать, что почти все литературные письма его к единомышленникам в 1810—1830-е гг. носят в той или иной степени программный характер. Вяземский вспоминал, как Дмитриев побуждал его «к отражению ударов и к битве»;²⁰ настойчиво требовал от него, Пушкина, Жуковского то

¹⁵ ГБЛ, ф. 41 (Булгаковы), 77.60, л. 17.

¹⁶ Сведения об Осипе Егоровиче Франке скудны. Брат его Карл, выученик Полоцкой иезуитской коллегии, служил у А. И. Тургенева в департаменте духовных дел и пользовался его покровительством (*Дмитриев*. Соч., т. 2, с. 232, 266—267; Рус. старина, 1874, № 9, с. 56; Рус. Архив, 1867, № 4, с. 658). О. Е. Франк в 1820 г. вошел в круг Карамзина (28 декабря 1820 г. Дмитриев пишет ему: «Я очень рад, что вы ходите к Карамзину, и желаю, чтоб он узнал вас еще короче», — ИРЛИ, ф. 265 оп. 2 № 900, л. 41); в 1830 г. о нем упоминает Вяземский в письме к Дмитриеву из Петербурга (Письма к И. И. Дмитриеву кн. П. А. Вяземского. СПб., 1868, с. 11). Одно письмо Дмитриева к Франку напечатано в «Русской старине» (1897, № 4, с. 120).

¹⁷ Гнедич Н. И. Письма к К. Н. Батюшкову. — В кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома, 1972. Л., 1974, с. 90.

¹⁸ Глинка Ф. Н. Мои воспоминания о незабвенном Н. М. Карамзине. — ИОРЯС, 1903, т. 8, № 2, с. 80—81.

¹⁹ Дмитриев. Соч., т. 2, с. 293—294; Рус. старина, 1899, № 3, с. 690.

²⁰ Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 363.

объявить крестовый поход против хулителей Карамзина, то возвысить голос против порчи языка Полевым и Сенковским. В его письмах то и дело вспыхивают язвительные эпиграмматические характеристики противников — старых и новых. «... Я получил ... от Хвостова — прощение его с землею.

Говорит, что он скоро полетит весь в лучах. Это любопытно было бы видеть» (П. П. Свиныну, 18 апреля 1832 г.). «Вероятно, это аллюзия к старому его глазетову кафтану, который он сберег по выходе из камер-юнкеров» (Вяземскому, 21 июня 1832 г.). «Я не мог равнодушно читать Шевырева стихов в альбом какой-то его дамочки... Этот... вдохновенный пискун вдруг вытараща глаза говорит другой даме, защитнице классицизма: „Да не полюбишь никогда Моих стихов, облитых кровью“. Какою? разве из носу, от долгого сиденья за бумагою» (Вяземскому, 1 мая 1829 г.). Среди его записок к Вяземскому сохранилась программа полемической статьи: о ложном понятии современных авторов о поэзии и «народности», о злоупотреблении словом «гениальность», об «искажении отечественного слова после карамзинского периода».²¹ Статья не осуществилась — но почти все ее содержание мы можем представить себе по Дмитриевским письмам.

Верный своей старинной тактике, он предпочитал быть режиссером, а не актером литературного спектакля. Это не всегда удавалось: его позиция была уже архаичной для 1820—1830-х гг. Он был «классик» по воспитанию и воззрениям и «сектатор», когда дело касалось слога и установившейся шкалы литературных ценностей. Вместе с тем он умел быть осторожным и даже терпимым. Принципиальный враг гекзаметров, он принимает «Ундину» Жуковского, с неизменной похвалой встречает сочинения позднего Пушкина — и даже Полевого и Сенковского отвергает отнюдь не безусловно (см. № 45). Он привлекает к себе молодежь, превращая свой дом в «московские Афины», — и даже недружелюбно настроенный к нему Полевой признает влияние его салона на московскую литературную жизнь.²²

Во всем этом были черты не только личного, но и социального поведения, и они отражались даже в самом стиле его писем.

Письма Дмитриева меньше всего соответствуют традиционному представлению о «чувствительном» письме XVIII столетия. Подобно его запискам, они «писаны в мундире», употребляя выражение Вяземского. В них строго соблюден эпистолярный этикет; канонические формулы обращения и концовки сохранены даже в письмах к многолетним друзьям. В них выдержано единство темы: Дмитриев лаконичен и как будто намеренно ограничивает себя в отступлениях, не забывая извиниться, если «заговорился». Вместе с синтаксической прозрачностью и закругленностью его периодов все это создает впечатление медлительной важности и книжности эпистолярной речи. Исключением вновь оказываются записки — к Измайлову, к Жуковскому (№ 46) — «младший» эпистолярный жанр, мгновенная информация, подобная современному телефонному звонку, тесно связанная с общим контекстом взаимоотношений или даже с конкретной речевой ситуацией.

Но именно эта каноничность эпистолярного слога и создает предпосылки для появления художественного начала, подобно тому как при устном общении с Дмитриевым «строгая физиономия» придавала «особое выражение и, так сказать, пряность малейшим чертам мастерского рассказа его».²³ В письмах Дмитриев шутит, — нередко и с особым вкусом. Выше мы приводили примеры его «эпистолярных эпиграмм», где неожиданно всплывающий просторечный оборот вырисовывается особенно рельефно на фоне строгой нормативности целого. Ирония появляется у Дмитриева в особенно

²¹ Дмитриев. Соч., т. 2, с. 304; Старина и новизна, кн. 2. М., 1898, с. 166, 200; Из Остафьевского архива князей Вяземских. М., 1907, с. 11—12.

²² Полевой Н. А. Очерки русской литературы, ч. 2. СПб., 1839, с. 478—479.

²³ Вяземский П. А. Собр. соч., т. 8. СПб., 1883, с. 174.

изящных перифразах, — и это его постоянный прием. Принципиальное значение ее велико: она вносит в письмо пародийное начало. Канон, осмысляющий и даже пародирующий сам себя, — это уже не канон, а художественный стиль, — и письма Дмитриева, при всей их кажущейся внелитературности, должны быть признаны частью его литературного наследия, — и более того, неотъемлемой частью культуры «fin du siècle», к которой Дмитриев принадлежал. Пушкин определил эту культуру в «Онегине», где, по мнению Вяземского, дал прямой портрет Дмитриева:

... в душистых сединах
Старик, по-старому шутивший,
Отменно тонко и умно
(Что ныне несколько смешно).

1. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 1060, оп. 1, № 12. Датируется по содержанию. Написано после ареста И. И. Дмитриева по обвинению в злоумышлении против Павла I и последовавшего затем оправдания и освобождения. По воспоминаниям Дмитриева, в это время его «ласкали» при дворе и ожидали для него наград и милостей (ср. упоминание о петербургских «доброжелателях»); сам же он стремился получить место «московского цензора книг», о котором также упоминает в письме (*Дмитриев. Взгляд*, с. 74).

¹ Старший брат Дмитриева, Александр Иванович (1759—1798), приятель Карамзина, офицер, литератор, скончался после болезни осенью 1798 г. в Екатеринодаре. См. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву... СПб., 1866, с. 103 (письмо Карамзина от 12 октября 1798 г.), а также «Элегию» И. И. Дмитриева на смерть брата (в кн.: *Дмитриев И. И. Полн., собр. стихотворений. Л., 1967, с. 333*).

² «Дело» — тяжба Дмитриевых с В. А. Всеволожским по поводу наследства дяди, Никиты Афанасьевича Бекетова (1729—1794), астраханского губернатора, умершего холостым и завещавшего свое имение побочным дочерям, Е. Н. Всеволожской и Смирновой. В связи с этой тяжбой И. И. Дмитриев ездил в Астрахань в 1794 г. Дело разбиралось в петербургском совестном суде в 1796 г., причем посредником Дмитриева был Г. Р. Державин, подававший жалобу Екатерине II на нарушение законов; осенью 1797 г. Державин через посредника продолжал его в Астрахани. Оно было окончено только в 1803 г. (*Державин*, т. 6, с. 66—69, 644—648; т. 7, с. 234—240).

³ Федор Антипыч и далее Николай Васильевич — лица неустановленные.

⁴ Дмитриев отправлялся в Москву на коронационные торжества Павла I, в соответствии с пожеланием наследника (будущего Александра I), переданным ему в день отбытия двора из Царского села 10 марта 1797 г. (*Дмитриев. Взгляд*, с. 75; *Шильдер Н. Император Александр I. Его жизнь и царствование*, т. 1. СПб., 1897, с. 150).

2. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 1060, оп. 1, № 12.

¹ «За обер-прокурорский стол» Дмитриев был определен тотчас по приезде в Москву, еще накануне коронации, состоявшейся 5 апреля 1797 г.

² Мария Александровна — жена А. И. Дмитриева (с 1794 г.), рожд. Пиль.

3. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5768.

4. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 72, оп. 1, № 4. Письмо адресовано в Стокгольм, где Блудов был советником русской миссии; с приездом сюда полномочного министра Г. А. Строганова функции Блудова оканчивались, и он должен был вернуться в Петер-

бург (ср. намек на это в конце письма Дмитриева). Блудов снабжал Дмитриева европейскими журналами, которые в военное время получались через миссию в Стокгольме (Ковалевский Е. Граф Блудов и его время. СПб., 1866, с. 84, 88).

¹ Об этом отпуске, предшествовавших ему служебных трениях и отъезде Дмитриева в Москву 29 июля см.: *Дмитриев*. Взгляд, с. 131.

² Канцлер — Николай Петрович Румянцев.

³ Упоминание о «перемирии» каламбурно: с 23 мая по 8 июля было заключено военное перемирие с Наполеоном, затем продленное до 29 июля (10 августа) 1813 г. «Орел нашей поэзии» — Г. Р. Державин, в июне 1813 г. уехавший с женой на Украину; посетив в Обуховке В. В. Капниста, он в августе отправился на богомолье в Киев (*Капнист В. В.* Собр. Соч., т. 2. М.—Л., 1960, с. 481). Общеупотребительная метафора имеет в устах Дмитриева, по-видимому, и конкретный, слегка иронический смысл: в марте 1813 г. вышла отдельным изданием ода Державина «На парение орла», посвященная М. И. Кутузову и основанная на легенде об орле, якобы сопровождавшем Кутузова, когда он приехал принимать армию в 1812 г. Об этом же писал и Жуковский в «Певце во стане русских воинов», издававшемся в том же 1813 г. под непосредственным наблюдением Дмитриева (Державин, т. 3, с. 97—99). К 1813 г. отношения Дмитриева и Державина несколько охладились (*Дмитриев*. Взгляд, с. 143—144). «Сокол» — граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757—1835), автор торжественных од, баснописец, переводчик «Поэтического искусства» Буало, вышедшего вторым изданием в 1813 г. («Наука стихотворства в четырех песнях стихами. Сочинение г. Буало-Депрео. Перевод графа Хвостова. Издание второе, с приложением Горациева к Пизонам послания в подлиннике и с российским прозаическим оного переводом». СПб., 1813 (ценз. разр. 24 мая 1813 г.)); в это издание Хвостов под влиянием критики внес ряд исправлений («От издателя», с. 1). С Хвостовым у Дмитриева и его круга была давняя вражда; в полемике принимал участие и Блудов (*Дмитриев*. Соч., т. 2. с. 188; Дмитриев М., с. 267—278; XVIII век, сб. 10. Л., 1975, с. 98—106). Смоленский — М. И. Голенищев-Кутузов-Смоленский, скончавшийся 16 (28) апреля 1813 г.

⁴ Анна Андреевна — жена Блудова (с 1812 г.), рожд. кн. Щербатова (1777—1848).

5. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48. Датируется по содержанию. 30 августа 1814 г. Дмитриев вышел в отставку с поста министра юстиции и в сентябре переехал из Петербурга на жительство в Москву (см. его письмо к Н. П. Румянцеву от 4 сентября 1814 г. — *Дмитриев*. 1) Соч., т. 2, с. 220; 2) Взгляд, с. 142—143, 144; *Иванов П.* Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции. СПб., 1863, с. 125). В. В. Измайлов был в это время издателем «Вестника Европы» (ср. упоминание о его журнале).

¹ «Бродяга» — нравоописательный этюд Измайлова «Московский бродяга» (Вестн. Европы, 1814, авг., № 16, с. 301—316; об этом псевдониме Измайлова см. также в письме А. И. Тургенева П. А. Вяземскому от 30 июля 1818 г. — Остафьевский архив, т. 1. СПб., 1899, с. 111). Дмитриев благодарит за строки, содержащие его иносказательный портрет: Измайлов изобразил «человека древних времен», «который, сияя в звездах, сияет и чистой совестью, который выслужил чины и ленты правдою и добродетелью. Старец любит рассказывать о происшествиях своего века и о добродетелях наших предков, а я люблю внимать его *изустным* преданиям. Долговременные опыты довели его до истинного познания людей, из нрава и языка его изгладило время все, что вкралось в них искусственного и условного, не человеческие уважения, но вечная истина говорит его устами» (с. 313). Далее сделан намек на непонимание «старика» суетным новым поколением. Появление очерка Измайлова совпало с трудным периодом службы Дмитриева, закончившимся его отставкой.

6. Автограф — ЦГАЛИ, ф 141, оп 1, № 247

¹ Это письмо не сохранилось.

² Речь идет о книге Ф. Н. Глинки «Письма русского офицера о Польше, австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием похода россиян противу французов в 1805 и 1806 г., также отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 г., с присовокуплением замечаний, мыслей и рассуждений во время поездки в некоторые отечественные губернии» (Ч. 1—8 М., 1815—1816). Книга Глинки, написанная по собственным впечатлениям, была заметным памятником преддекабристской прозы.

³ Дмитриев ездил в Симбирскую губернию осенью «на короткое время», вернулся в Москву между 14 и 18 октября (*Дмитриев. Взгляд*, с 145, Моск. ведомости, 1815, 20 окт. № 84, с. 1816).

⁴ Сочинения И. И. Дмитриева, ч. 1—3. Изд. 4-е. М., 1814.

7. Автограф — ИРЛИ, Р. 1, оп. 6, № 48.

¹ Дмитриев был назначен председателем комиссии для пособия разоренным от пожара и неприятеля в Москве, учрежденной 30 августа 1816 г. (*Иванов П. Опыт биографий генерал-прокуроров и министров юстиции*, с. 125, Моск. ведомости, 1816, 2 сент., № 71, с. 1541). Согласно рескрипту Александра I на имя московского военного губернатора, комиссии предписывалось помогать только тем разоренным, которые не получают жалования и не имеют пропитания. Дмитриев исполнял предписание чрезвычайно строго (*Дмитриев. Взгляд*, с. 147).

² Измайлов большую часть времени жил в своей подмосковной, селе Тихомирово (см. *Вестн. Европы*, 1805, № 17, с. 59).

8. Оригинал — ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, № 247. Текст рукой писца, только подпись — автограф.

¹ Речь идет о книге Глинки «Письма к другу, содержащие в себе замечания, мысли и рассуждения о разных предметах, с присовокуплением исторического повествования Зиновей Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия» (ч. 1—3. СПб., 1816—1817). «Военный журнал» (1817—1818) издавался «Обществом военных людей», учрежденным в 1817 г. при главном штабе гвардейского корпуса, редактором журнала был Ф. Глинка 23 июня 1817 г. Общество избрало Дмитриева почетным членом (*Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь*. М., 1866, с. 112—113, ср. ЛН, № 16—18, 1934, с. 623—624, 632—633), Глинка упомянул об этом избрании в книге «Рассуждение о необходимости деятельной жизни» (с. 64) (см. № 10).

9. Автограф — ИРЛИ, 95—101 I С.

Письмо является ответом на присланную Гнедичем первую часть «Опытов в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова (СПб., 1817), содержащую прозаические сочинения. Дмитриев, дружески общавшийся с Батюшковым в Москве в 1816 г, знал о готовящемся издании и предлагал Батюшкову выпускать его в Москве, однако Батюшков отказался и передал хлопоты по изданию Н. И. Гнедичу. Накануне выхода первого тома Батюшков, находившийся в деревне, просил Гнедича отправить один экземпляр Дмитриеву, с надписью «от автора издатель» и «самому приписать словечко». «Я ему обязан, — писал Батюшков, — в бытность в Москве он навещал меня больного очень часто и подарил мне свою книгу» (*Батюшков К. Н. Соч.*, т. 3. СПб., 1886, с. 394, 456). По видимому, Гнедич так и поступил (письмо его к Дмитриеву не сохранилось). 2 августа Дмитриев писал А. И. Тургеневу о получении им первого тома «Опытов»: «Уверен, что всякий умеющий ценить хорошее признает его (Батюшкова, — В. В.) истинным литератором, с размышляющим умом, с благородными чувствами и тонким вкусом»

(Дмитриев. Соч. т. 2, с. 228). Одновременно он отправил Батюшкову письмо с высокой оценкой его прозы (не сохранилось). Батюшков, испытывавший сомнения в достоинствах своих прозаических сочинений, ответил ему большим благодарственным письмом от 10 августа (Батюшков К. Н. Соч., т. 3, с. 462—463). В октябре 1817 г. Батюшков отправил Дмитриеву с Д. П. Севериным и второй том «Опытов» (там же, с. 475—476). О взаимоотношениях Дмитриева и Батюшкова см.: Чулицкий В. И. И. Дмитриев. — ЖМНП, 1902, № 4, с. 373—374.

¹ «Гомер» — перевод «Илиады», над которым работал Гнедич.

10. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, № 247.

¹ Глинка посылал Дмитриеву, по-видимому, только что вышедшее свое «Рассуждение о необходимости деятельной жизни, ученых упражнений и чтения книг; также о пользе и настоящем положении учрежденного при Гвардейском штабе книгохранилища» (СПб., 1818; ср. рецензию на нее: Сын отечества, 22 февр. № 8, с. 65—86). Вторая книжка («сказочка») — «Лука да Марья. Народная повесть, сочиненная Федором Глинкою» (СПб., 1818). «Цель» последней книжки — воспитание крестьянского читателя; о ней Глинка писал в предисловии, перепечатанном затем в очень сочувственной рецензии «Сына отечества» (1818, 1 марта, № 9, с. 114). Заключительные слова настоящего письма Дмитриева Глинка процитировал в своей следующей книжке: «В любопытных рассказах можно бы рассеять правила чистейшей нравственности и даже самые правила тактики, можно бы... „Но можно или нет, а приятно и мечтать о возможности полезного“. (Слова из письма ко мне одного из знаменитых соотечественников наших)» (Глинка Ф. Подарок русскому солдату. СПб., 1818, с. 133—134; перепеч.: Сын отечества, 1818, № 36, с. 178—179).

11. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, № 247.

¹ «Гимн Богу» — «Гимн величию и всемогуществу Божию» Ф. Глинки (СПб., 1818). В первый раз Дмитриев мог читать его в журнальной публикации (Соревнователь, 1818, № 8, с. 232). «Подарок русскому солдату» (СПб., 1818) — собрание моралистических рассуждений, стихов и «солдатских песен» Глинки; «биография Милорадовича» — «Краткое обозрение военной жизни и подвигов графа Милорадовича» Ф. Глинки (СПб., 1818). Замечания Дмитриева относятся к послесловию («Цель сей книжки»), где Глинка пишет, что с солдатом нужно говорить «его языком, его говоркою» и писать о том, что ему близко. «А что ближе к понятию всех и каждого, как не три поры дня и четыре времени года?» («Подарок русскому солдату», с. 130; ср. также с. 131, где вновь упомянута «говорка солдатская»). Выражение «каждого и всех», на которое ссылается Дмитриев, есть в составленном А. С. Шишковым манифесте о нашествии Наполеона 6 июля 1812 г. («в защиту домов, жен и детей каждого и всех» — ср. БАН, 35186д, л. 34; ср. также «всяк и каждый» — в официальном известии после бегства Наполеона из Москвы: Шишков А. С. Записки, мнения и переписка, т. 1. Berlin, 1870, Приложения, с. 441). Над этим выражением Дмитриев иронизировал и в письме к П. А. Вяземскому от 3 февраля 1821 г.: «Эпистолу вашу один Пушкин всем и каждому в клубе читает» (Старина и новизна, кн. 2. СПб., 1898, с. 144). Осуждение «простонародного» слова «вот» (наряду с некоторыми другими «любимыми словами» молодых писателей — прежде всего неназванного Жуковского и его последователей) Дмитриев повторил и в письме к А. С. Шишкову от 26 июля 1821 г. (Дмитриев. Соч., т. 2, с. 277).

² К. Н. Батюшков пробыл в Москве с 25 августа до половины или конца сентября 1818 г. и общался с Дмитриевым; в ноябре 1818 г. выехал из Петербурга в Италию. Об отъезде Батюшкова Дмитриеву сообщал Жуковский 22 ноября 1818 г. (Жуковский В. А. Соч. Изд. 7-е, т. 6. СПб., 1878, с. 429).

12. Автограф — ГПБ, собр. Вакселя, № 1507.

¹ В 1820 г. у С. П. Жихарева родился сын Платон (1820—1838). См.: Московский некрополь, т. 1. СПб., 1907, с. 449.

² Федосья Дмитриевна — жена С. П. Жихарева, рожд. Нечаева (1795—1850).

13. Автограф — ИРЛИ, 28034/СС680.

¹ Воейков издавал «Собрание образцовых сочинений и переводов...» в стихах (ч. 1—6. СПб., 1821—1822) и в прозе (ч. 1—6. СПб., 1822—1823), газету «Русский инвалид» и литературные прибавления к нему («Новости литературы»). О подобном же случае присылки «Инвалида» с приложениями без письма Дмитриев иронически упоминал в письме к А. И. Тургеневу от 30 октября 1824 г. (*Дмитриев*. Соч., т. 2, с. 288).

14. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Обычное время обедов в Москве в первой четверти XIX в. — 15 часов или немногим позднее; в 1790-е гг. обедали раньше (в 14 часов — время, указанное и Дмитриевым). См.: *Макаров*. О времени обедов, ужинов и съездов в Москве с 1792 по 1844 год. — В кн.: *Щукинский сборник*, вып. 2. М., 1903, с. 2, 5—6. О меню обедов у Дмитриева вспоминал Ф. Ф. Вигель: «квас, пироги, паче всего малина со сливками были его наслаждением» (*Вигель* Ф. Ф. Записки, ч. 3. М., 1892, с. 83); подавались также жареный поросенок с солеными огурцами, щи, шоколад (*Грот* К. Я. К биографии И. И. Дмитриева. Неизданные письма и заметки, относящиеся ко времени его кончины. — *ИОРЯС*, 1901, т. 6, № 4, с. 245, 266—267; *Дмитриев*. М., с. 153).

15. Автограф — ИРЛИ, 95—101 IC.

¹ Протекший праздник — пасха.

² Речь идет об оттисках литографированного портрета Дмитриева работы Тончи, приложенного к изданию 1823 г., за которым наблюдал Гнедич. Оригинал Дмитриев посылал Гнедичу через Вяземского (Старина и новизна, кн. 2. М., 1898, с. 153, 154) и просил прислать ему 6 оттисков; 17 апреля А. И. Тургенев сообщал Вяземскому, что Гнедич выслал портреты (Остафьевский архив, т. 2, с. 313). «Сходство» и «красоту отделки» портретов отмечали и рецензенты издания (*Литературные листки*, 1824).

³ Дмитриев имеет в виду нашумевшую историю цензурного запрещения «Стансов к Элизе» В. Н. Олина (ок. 1788—1841), обвиненных цензором А. И. Красовским в безнравственности (апрель 1823 г.). «Стансы» вместе с замечаниями цензора и саркастическими ответами Олина широко распространялись в списках. См.: *Беседы в обществе любителей российской словесности при Московском университете*, вып. 3. М., 1871, с. 43; *Поэты 1820—1830-х годов*, т. 1. Л., 1972, с. 129, 707.

⁴ Шестое издание сочинений Дмитриева (т. 1—2. СПб., 1823), выпущенное Вольным обществом любителей российской словесности, было «исправленным и уменьшенным»; Дмитриев исключил из него все, что считал устаревшим или не характерным для своего творчества (см. об этом: *Дмитриев* И. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1967, с. 64—65, 419). «Излишняя строгость» автора в отборе отмечалась современниками (Карамзиным, Вяземским и др.). Ср.: *Дмитриев*, М., с. 118—120.

16. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Ансильон Фредерик (Ancillon, 1767—1837) — политический писатель, эстетик и теоретик литературы, писавший, в частности, по вопросам народности и национальности литературы; был популярен в русской литературе и критике (ср.: *Томашев-*

ский Б. Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 33—36). Его книга «*Mélanges de littérature et de philosophie*», содержащая указанные Дмитриевым главы, вышла в 1801 г. в Берлине и вторым изданием в Париже (2 vol., 1809). Мейстер Якоб Генрих (Meister, 1744—1826), автор упоминаемой книги «*Mélanges de philosophie, de morale et de littérature*» (2 vol. Genève—Paris, 1822), был также автором книги «*Lettres sur l'imagination*» (Zurich, 1794; Londres, 1799).

17. Автограф — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 900.

¹ Гиппиус Густав Фомич (1792—1856) — портретист, литограф; осуществил издание «Современники. Собрание литографированных портретов государственных чиновников, писателей и художников» (СПб., 1822) по собственным рисункам, в 9 тетрадях, по 5 портретов в каждой. См. о нем: Старые годы, 1907, № 6, с. 239—240; Русский биографический словарь, т. Герберский—Гогенлоэ. М., 1916, с. 226 (статья Н. П. Чулкова).

² Посылка — экземпляры шестого издания «Стихотворений Ивана Ивановича Дмитриева». 3 января 1823 г. Дмитриев просил Франка прислать ему «вновь вышедший русский альманах под именем Полярной звезды» (л. 65). 25 января он сообщал Франку, что присланную им «русскую книгу» уже получил и от издателей (л. 66); несомненно, речь шла о той же «Полярной звезде». В 1823 г. Бестужев лично знакомится с Дмитриевым в Москве (Памяти декабристов, 1. Л., 1926, с. 56—57; ЛН, т. 60, кн. 1. М., 1956, с. 200); 22 января 1824 г. Дмитриев посылает ему и Рылееву два экземпляра своей книги; один из них с надписью «Почтенным издателям Полярной звезды в знак признательности и уважения от безымянного. Москва 1824. Января 22 дня» сохранился в библиотеке Рылеева (Цейтлин А. Г. О библиотеке Рылеева. — ЛН, т. 59. М., 1954, с. 320—321). О дальнейшей судьбе посылки Дмитриев писал также Бестужеву 15 мая 1824 г. (Рус. старина, 1888, № 12, с. 585).

18. Автограф — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 900.

¹ *La Barreau français...* (vol. 1—18. Paris, 1821—1827) — собрание наиболее выдающихся судебных речей от античности до современности. *Biographie* — по-видимому, продолжающееся издание *Biographie des contemporains* («Биография современников»), которое Франк посылал Дмитриеву еще в 1822 г.; в октябре 1823 г. Дмитриев получил 10-й том (л. 58 об., 65).

19. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Хлопоты о пенсии В. В. Измайлову Дмитриев начал еще в мае 1824 г.; после неоднократных просьб, проволочек и личного ходатайства Карамзина перед Александром I пенсия была получена, о чем Карамзин сообщал Дмитриеву 6 ноября (см.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 372 и сл., примеч. с. 0163—0164; Шишков А. С. Записки, мнения и переписка, т. 2, с. 180—181; Остафьевский архив, т. 3. СПб., 1899, с. 52, 79). Несколько позднее была прислана и копия с указа от 1 ноября на имя графа Гурьева; о получении ее Дмитриев сообщал О. Е. Франку 23 ноября, прося хлопотать, чтобы пенсия выплачивалась Измайлову в Москве, по третям года, по предварительном извещении (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 900, л. 83—83 об.).

20. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Речь идет о болезни В. В. Измайлова, о чем Дмитриев написал и Карамзину. 23 ноября Карамзин отвечал: «Сердечно жалею о тяжелой болезни доброго Влад. Вас. Измайлова. Ты получил копию указа о пенсии? Сделай одолжение, уведоь, собирается ли он с силами» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 384).

21. Автограф — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 900.

¹ О присылке мемуаров Жозефа Фуше (1754—1820), министра полиции при Наполеоне, знаменитого политического интригана, Дмитриев просил А. И. Тургенева еще в 1819 г. (*Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 249); здесь речь идет о новом издании: *Mémoires de J. Fouché*, vol. 1—2. Paris, 1824. Эту книгу (объявленную подделкой) читал Карамзин в декабре 1824 г. (Старина и новизна, кн. 1. М., 1897, с. 159); 8 декабря он писал Дмитриеву: «Читаю теперь две любопытные книги: „*Mémoires de Fouché*” и „*Conversations de Byron*”: первые кажутся не вымышленными, ни последние, где Байрон в зеркале: какое лицо страшное!» (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 386). Дмитриев просит Франка как раз об этих книгах; вторая из них — французский перевод книги Т. Медвина «*Conversations de lord Byron...*» (Paris, 1824). Обе книги пользовались большой популярностью; их в 1825 г. разыскивал и Пушкин (*Пушкин А. С. Письма*, т. 1. 1814—1825. М.—Л., 1926, с. 399—400 (примеч. Б. Л. Модзалевского). О записках Фуше Дмитриев просил Франка напомнить книгопродавцу Беллизару еще 28 сентября 1829 г. (л. 122).

22. Автограф — ИРЛИ, 95—101 I С.

¹ Подарок — «Простонародные песни нынешних греков, с подлинником изданные и переведенные в стихах, с прибавлением введения, сравнения их с простонародными песнями русскими и примечаний, Н. Гнедичем» (СПб., 1825).

² Такое же объяснение своей «неучтивости» Дмитриев дал в письме Бестужеву и Рылееву: «Одна только скромность удерживала руку мою: к сочинениям моим приложена и моя биография, в которой любезный автор, увлеченный приязнию, возносил меня не по мере заслуг моих» (Рус. старина, 1888, № 2, с. 585). «Биография», принадлежавшая П. А. Вяземскому («Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева»), была известна Дмитриеву еще до печати; 10 ноября 1821 г. он писал Вяземскому о своей признательности и вместе с тем «совестился», что уступил настояниям автора и прочитал ее в рукописи. «Строгость характера требовала бы от меня не знать ничего прежде печати». В ноябре 1822 г. он возвратил Вяземскому рукопись с какими-то уточнениями и поправками, заметив при этом: «Я сделал все, что мог, а может быть, еще более, нежели сколько позволяла скромность светского человека» (Письма И. И. Дмитриева к кн. П. А. Вяземскому 1810—1836 годов. Из Остафьевского архива. Изданы с предисл. и примеч. Николая Барсукова. СПб., 1898, с. 32, 36). Статья Вяземского носила остро полемический характер, с чем был отчасти связан ее панегирический тон; она вызвала бурную полемику как при обсуждении ее в Вольном обществе любителей российской словесности (2 октября 1822 г.), так и в печати; Карамзин, Блудов и А. Тургенев, читавшие ее в рукописи, также сделали большое число замечаний. См.: *Гиллельсон М. И.* 1) Новое о статье П. А. Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева». — Рус. лит., 1962, № 3, с. 219—223; 2) П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969, с. 92—94; *Базанов В. Г.* Ученая республика. Л., 1964, с. 281.

23. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Дмитриев пересказывает письма Карамзина от 9 и 31 июля; во втором из них Карамзин рассказывал о посещении им военных поселений (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 398, 400). Эта поездка состоялась по желанию Александра I, который стремился убедить Карамзина, противника военных поселений, в их целесообразности, и, по-видимому, сблизить его с Аракчеевым. 9—10 июля Карамзин и Аракчеев обменялись письмами (*Дубровин И.* Письма главнейших деятелей в царствование имп. Александра I (с 1807 по 1819 г.). СПб., 1883, с. 445—446), после чего Карамзин был приглашен в Грузино; 16 июля должен был начаться осмотр (*Погодин М. П.* Н. М. Карамзин..., т. 2. М., 1866, с. 355). Поездка продолжалась три дня и сопровождалась от-

кровенными беседами Карамзина и Аракчеева; несмотря на это, Карамзин остался при своем мнении и впоследствии не скрывал своего отрицательного отношения к военным поселениям; ср. воспоминания К. С. Сербиновича и П. А. Вяземского (Рус. старина, 1874, № 10, с. 250; Рус. архив, 1876, № 4, с. 474—475); следы этого скептицизма ощущаются и в письме его к Дмитриеву от 31 июля. Петергофский праздник был устроен 22 июля, в день именин имп. Марии Федоровны.

² Записки Шарлотты Стефани Фелисите де Жанлис (Genlis, 1746—1830), выходявшие с 1825 г. (Mémoires inédits sur le XVIII siècle et la Révolution française. 8 vol. Paris, 1825—1828), были встречены всеобщим разочарованием, так как оказались мемуарами лишь в незначительной части; целые тома в них были заняты ранее напечатанными работами писательницы.

³ О получении Дмитриевым сочинений Вольтера см. ниже, в примеч. к письму № 30. Прадт (Pradt, 1759—1837) Доминик Дюфур — французский политический писатель, популярный в России в 1820-е гг.; им интересовался и Карамзин (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 261). Аннюар политический — *Annuaire historique universel, ou Histoire politique* (Paris, 1818—1861) — ежегодник политических событий. «Дон Алонзо» — исторический роман Нарсиса де Сальванди (Salvandy, 1796—1856) «Don Alonzo, ou l'Espagne, histoire contemporaine». 4 vol. Paris, 1824. Новое издание словаря Пьера Бейля (Bayle, 1647—1706) — *Dictionnaire historique et critique*, vol. 1—16. Nouv. éd. (XI-e). Paris, 1820—1824. Словарь Бейля — одно из центральных произведений философского скептицизма XVII в., распространявшегося и на религию.

⁴ «Поэтами-гениями» Дмитриев иронически называет поэтов романтической школы (ср. его письмо к А. С. Шишкову от 26 июля 1821 г. *Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 277). Фолликулеры (франц. folliculaire) — борзописцы.

⁵ Писарев Александр Александрович (1780—1848) — генерал-лейтенант, литератор; был назначен попечителем Московского учебного округа указом от 19 июля 1825 г. (Старина и новизна, кн. 10. М., 1905, с. 501).

⁶ Дмитриев выехал в Симбирск между 4 и 8 июня (Моск. ведомости, 1825, 10 июня, № 46, с. 1647), вернулся в Москву между 2 и 6 июля (там же, 1825, 8 июля, № 54, с. 1905).

⁷ Третью и последнюю часть своих записок Дмитриев окончил 9 апреля 1825 г.; примечания — 10 января 1826 г. (*Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 151, 167); они дополнялись еще в 1832 г.

⁸ Дмитриев приветствовал первые книжки «Московского телеграфа» Н. А. Полевого, где ближайшее участие принимал П. А. Вяземский; в начале 1825 г. он благодарил Полевого за «прекрасный журнал», высказывая, однако, неудовлетворенность «слогом» издателя (Николай Алексеевич Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. Л., 1934, с. 171—172, 405—406 (коммент. В. Н. Орлова)); почти то же он пишет в январе-феврале 1825 г. П. П. Свиныну (*Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 289; Рус. старина, 1897, № 12, с. 538). Еще в феврале 1827 г., после организации враждебного «Московскому телеграфу» «Московского вестника», он просит В. Ф. Одоевского поддерживать «Московский телеграф», который «разнообразнее, свежее и более похож на европейские журналы», нежели «Московский вестник», хотя и уступает ему «в правильности и чистоте языка» (Рус. старина, 1904, № 2, с. 385). В феврале или марте 1827 г. он присутствует вместе с Вяземским и Баратынским на вечере у Полевого (ЛН, т. 58. М., 1952, с. 64). Положительное в целом мнение о «Телеграфе» сохранилось у Дмитриева и после резкого охлаждения отношений с Полевым, вызванного выступлениями последнего против Карамзина (*Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 327; Письма И. И. Дмитриева к кн. П. А. Вяземскому, с. 43—44, 46, 54; Рус. старина, 1902, № 10, с. 86). На смерть Дмитриева Полевой откликнулся некрологической статьей (Библио-

тека для чтения, 1837, т. 24 отд. 5, с. 25—52; *Полевой Н. А.* Очерки русской литературы, т. 1. М., 1839, с. 383—412; т. 2, с. 451—482). Измайлов поместил в «Телеграфе» только статью «О ботанической номенклатуре на русском языке» (1827, т. 18, № 24, с. 266—285). Полевой настороженно относился к Измайлову-литератору (Николай Алексеевич Полевой..., с. 248—249), хотя и напечатал положительный отзыв Вяземского о его альманахе «Литературный музей» (Моск. телеграф, 1827, ч. 15 отд. 1, с. 336—347; ч. 16 отд. 1, с. 153—170); одновременно (28 марта) он писал С. Д. Полторацкому о «глупой и подлой» статье Измайлова в альманахе (*Салинка В.* Письма Н. А. Полевого к С. Д. Полторацкому. — В кн.: Труды высших учебных заведений Литовской ССР. Литература, т. 9. Вильнюс, 1966, с. 311). В 1829 г. Измайлов в качестве цензора выступил на защиту Полевого против Каченовского (см. ниже). См. также письмо № 25.

24. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

25. Автограф — ИРЛИ, 95—101 I С. Ответ на благодарственное письмо Гнедича, которому Дмитриев послал 27 марта через П. П. Свинына свои «Апологи в четверостишиях» (*Дмитриев.* Соч., т. 2, с. 294).

¹ Упоминание о «маловажности» и неоригинальности книжки характерно для Дмитриева, обычно отзывавшегося о своих произведениях холодно пренебрежительно; в данном случае, однако, оно носит «предвосхищающий» характер. Дмитриев был задет неосторожной рецензией П. И. Шаликова, упомянувшего об источниках «Апологов» — книжке Мольво и рукописных четверостишиях жившего в Москве французского поэта «г-на Деламолиньера»; «некоторые из них, — писал Шаликов, — если не ошибаемся, находятся в числе апологов русского поэта» (*Дамский журнал*, 1826, № 5, с. 218). В письме П. П. Свиныну от 27 марта Дмитриев сам называет эти источники, в том числе и Ламолиньера, который сочинил 50 четверостиший и приписал их Дмитриеву. «Это я прибавил для того, — писал Дмитриев, — чтобы избежать от других улики, какою удостоен от князя Шаликова» (*Дмитриев.* Соч., т. 2, с. 295). О своем недовольстве рецензией Шаликова Дмитриев говорил и Н. А. Полевому (*Полевой Н. А.* Очерки русской литературы, т. 2, с. 480; ср.: *Сын отечества*, 1838, т. 5, отд. 4, с. 101).

² С зимы 1826 г. Гнедич был болен; опасались, что ему не удастся выздороветь (ср., например, переписку Пушкина с Плетневым в феврале — апреле 1826 г. — *Пушкин*, т. 9, с. 261, 264, 272).

³ Речь идет о библиофильских наклонностях Дмитриева, о которых он постоянно говорит в этих выражениях; по-видимому, Гнедич переслал Дмитриеву с письмом какие-то материалы, возможно, для его коллекции портретов. Алексей Николаевич — Оленин (1763—1843), давний знакомый Гнедича, археолог, художник, директор Публичной библиотеки, президент Академии художеств.

26. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Это письмо не сохранилось.

² Дмитриев говорит о смерти Карамзина (22 мая 1826 г.), об обстоятельствах которой он знал, видимо, из писем А. И. Тургенева к С. П. Жихареву (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 427). Вяземский приехал в Петербург 24 мая и 13 июня отправился в Ревель вместе с семейством Карамзиных (*Рус. старина*, 1874, № 10, с. 269); в тот же день пришло соболезнующее письмо от Дмитриева. Возвращение свое в Москву Вяземский отложил до августа (Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 425—429).

³ Донесение следственной комиссии о «злоумышленных» обществах с полным списком привлеченных к суду напечатано в приложении к № 138 «Русского инвалида» 12 июня 1826 г.

27. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ В соответствии с новым цензурным уставом, утвержденным 10 июня 1826 г., в Москве образовывался цензурный комитет из трех членов, включая председателя; число членов могло быть увеличено. Председатель избирался университетским попечителем, после чего утверждался императором. Жалованье в 7000 руб. назначалось только председателю Главного цензурного комитета в Петербурге; председатель Московского цензурного комитета получал 4000 руб. в год (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862, с. 133—135, 188—189).

² Дело о назначении В. В. Измайлова цензором тянулось более года, так как Московский цензурный комитет был образован только летом 1827 г. Осенью 1827 г. в его состав вошли С. Н. Глинка и Измайлов; председателем с 31 октября 1827 г. был С. Т. Аксаков. 26 февраля 1828 г. Д. Н. Блудов сообщал Дмитриеву, что Измайлов сделан членом Московского цензурного комитета и, возможно, станет председателем, если комитет не изменится в составе (Рус. архив, 1866, стб. 1661). 22 апреля 1828 г. был принят новый цензурный устав, и возникла надобность в реорганизации комитета; в сентябре 1828 г. попечитель А. А. Писарев представил к утверждению в должности Измайлова, Аксакова и Глинку, отдавая особое преимущество первому, по его «опытности в классической словесности». 3 октября 1828 г. Главное управление цензуры оставило в комитете Измайлова и Глинку, приняв во внимание «недостаточность» их состояния, «многочисленность семейства» и преклонный возраст (Данилов В. В. С. Т. Аксаков, С. Н. Глинка и В. В. Измайлов в Московском цензурном комитете. — ИОРЯС, 1928, т. 1, кн. 1, с. 509—510; Машинский С. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. Изд. 2-е. М., 1973, с. 128 и сл.). В этом назначении важную роль сыграли ходатайства Дмитриева, о чем Блудов писал Дмитриеву 17 ноября 1828 г. (Рус. архив, 1866, стб. 1663).

³ Министром народного просвещения в 1826 г. был А. С. Шишков.

28. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Речь здесь (как и в следующем письме) идет о стихах Измайлова «И. И. Д<митриеву>. В ответ на его стихи», напечатанных в альманахе Измайлова «Литературный музей на 1827 год» (М., 1827, с. 318—319). Стихи были ответом на послание Дмитриева «В. В. И.<змайлову>» (Чего ты требуешь, Измайлов, от меня?), напечатанное там же, без подписи (с. 317); автограф этих стихов Дмитриева приложен к публикуемым письмам Измайлову. В печатном тексте цитируемые строки исправлены (ст. 4 — в соответствии с поправкой Вяземского; ст. 9 читается: «Сам, кажется, твой друг парит к тебе из гроба»).

² Волков Александр Абрамович (1788—?) — сын вице-президента Государственной медицинской коллегии А. С. Волкова (Дамский журнал, 1827, ч. 18 № 8, с. 84), поэт, автор поэмы «Освобожденная Москва» (1820), член Московского общества любителей российской словесности (с 1823 г., см. Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. М., 1911, с. 69). Волков был вхож в различные литературные круги Москвы: был посетителем вечеров И. М. Долгорукова (Моск. наблюдатель, 1835, авг., кн. 2, с. 620), в 1820—1830-х гг. печатался в «Московском телеграфе» и «Дамском журнале». «Классик» по своим литературным симпатиям, Волков отмежевывался от сентименталистов и романтиков; в начале 1820-х гг. он был на стороне Каченовского в его споре с Вяземским, — что, впрочем, не мешало ему поддерживать добрые отношения и с Полевым, и с Шаликовым (Николай Алексеевич Полевой..., с. 269). В письмах Дмитриева неоднократно иронические и даже раздраженные отзывы о Волкове (Письма И. И. Дмитриева к П. А. Вяземскому, с. 28, 31; Дмитриев. Соч., т. 2, с. 272; Остафьевский архив, т. 2. СПб., 1899, с. 157—158, 460, 467—468); при всем том с начала 1820-х гг. и до конца жизни Дмитриева их обще-

ние не прекращается; по словам М. А. Дмитриева, Волков и Н. Д. Иванчин-Писарев «находили удовольствие» в обществе Дмитриева и «не скучали проводить с ним вечера» (Дмитриев М., с. 150). Волков напечатал послание «К И. И. Дмитриеву» (Моск. телеграф, 1829, ч. 26, с. 128—129), стихи «На кончину И. И. Дмитриева» и мемуарную статью «О последних днях жизни И. И. Дмитриева» (Моск. наблюдатель, 1837, июль, кн. 2, с. 231—237). См о нем также: *Данилов В. В. С. Т. Аксаков, С. Н. Глинка и В. В. Измайлов...*, с. 511.

29. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

30. Автограф — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 900.

¹ Письмо от 19 мая 1827 г. (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 900, л. 132).

² «Ливрезоны Вольтера» — *Oeuvres complètes de Voltaire, en un volume. Paris, de l'impr de J. Didot aîné, 1825—1832*. Собрание сочинений Вольтера выпускалось в 96 книжечках (livraisons), форматом in 8°, в 4-х частях и насчитывало 5551 стр. (*Quérard J. M. La France littéraire, t. 10. Paris, 1839, p. 382*). Первые книжечки купил для Дмитриева в Германии Д. Н. Блудов в 1825 г.; новые тетради он отправил 23 ноября 1826 г. (Рус. архив, 1866, стб. 1656, 1657). Дмитриев был очень озабочен получением последующих книжек. 9 декабря он писал Франку: «Дмитрий Николаевич Блудов еще 23 ноября уведомлял меня, что он передал вам три ливрезоны Дидотова изд<ания> В<ольтера> для пересылки ко мне. Но я еще по сие время не получил их. Желая же скорее полюбоваться моим приобретением, тем более, что у нас торговля ф<ранцузскими> книгами почти остановилась, препровождаю к вам синенькую ассигнацию на заплату весовых денег, как за эту посылку, так и других книг, сколько пока станет» (л. 110). 4 февраля он просит Франка напомнить Блудову о следующих «ливрезонах» (л. 129). Блудов высылает их только 11 декабря (Рус. архив, 1866, стб. 1659); из пометы Франка явствует, что они ушли в Москву 13 декабря. 20 декабря Дмитриев благодарит за доставление посылки от Блудова (л. 131). Упоминания о неполученных тетрадях и сообщения о высылке следующих порций есть в письмах 1829 г. (л. 116, 117, 119; Рус. архив 1866, стб. 1662; письмо Блудова от 31 января 1829 г.); только 29 января 1833 г. Блудов сообщает, что «бесконечное микроскопическое издание Вольтера окончено» (Рус. архив, 1866, стб. 1687).

³ 10 декабря 1828 г. Дмитриев подавал просьбу о представлении своего племянника, М. А. Дмитриева, советника Московской уголовной палаты, на вакансию председателя (письмо к О. Е. Франку от 10 декабря 1828 г., л. 112).

31. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Иронический каламбур: «вестовщик» — сплетник, переносчик вестей (ор., например, переводной очерк Н. Д. Иванчина-Писарева «Вестовщики» в «Вестнике Европы» 1814, № 14, с. 122—123); Дмитриев называет так «Вестник Европы» (ср. «сухощавый „гонец Европы“» — в письме к А. И. Тургеневу от 21 ноября 1818 г. — *Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 237).

32. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ «Барон» — вероятно, А. А. Дельвиг, в конце января приехавший в Москву и нанесший визит Дмитриеву и В. Л. Пушкину (Пушкин, т. 14, с. 4; ср. также стихотворную записку В. Л. Пушкина П. И. Шаликову с приглашением на «литературный ужин» с участием «барона» (*Пушкин В. Л. Соч.* СПб., 1895, с. 119).

33. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

34. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48. Письмо связано с неудачной попыткой Измайлова издавать журнал «Современник»: председатель Главного управления цензуры и министр народного просвещения К. А. Ливен отказал в разрешении, находя, что издание журнала несовместно с цензорской службой Измайлова. 10 сентября 1829 г. Измайлов ответил Ливену письмом, где отказывался от своего предприятия, указывая, однако, на свои литературные заслуги и бедственное положение, которые давали ему право и основание возбуждать дело о разрешении (Современник, 1925, № 1, с. 298—303; Данилов В. В. С. Т. Аксаков, С. Н. Глинка и В. В. Измайлов..., с. 523—524).

35. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48. Датируется по содержанию. Письма от Вяземского и Карамзиных Дмитриев получил почти одновременно в апреле 1829 г.

¹ Письмо написано в понедельник.

² Кузнецов Александр Иванович — московский книгопродавец, издатель «Христианского месяцеслова» (1821), вызвавшего цензурные затруднения; переиздание книги не состоялось из-за длительной болезни и смерти издателя; возможно, об этой последней болезни Кузнецова и пишет Дмитриев. О разорившейся семье Кузнецова Дмитриев хлопотал еще накануне своей кончины; после нее хлопоты продолжали Вяземский, Н. Д. Иванчин-Писарев и А. Я. Булгаков (Грот К. Я. К биографии И. И. Дмитриева. Неизданные письма и заметки, относящиеся ко времени его кончины. — ИОРЯС, 1901, т. 6, № 4, с. 28; Письма И. И. Дмитриева к кн. П. А. Вяземскому, с. 80 и сл.; 141—142, 145; Рус. архив, 1868, с. 652; 1879, № 6, с. 257; Дмитриев М., с. 153). В сентябре 1827 г. Дмитриев вел с Кузнецовым переговоры об издании альманаха В. В. Измайлова: см. письмо его к Измайлову от 27 сентября 1827 г. (Радуга. Альманах Пушкинского дома. Пг., 1922, с. 68—69). Пользуемся случаем исправить ошибку комментария к этому письму (М. П. Беляева): в нем идет речь не о «Литературном музее на 1827 год», уже вышедшем в свет, а о задуманном Измайловым альманахе на 1828 г., для которого он уже собирал материалы (см., например, письмо к нему Ф. Глинка от 25 апреля и 21 июля 1827 г. — Моск. обозрение, 1877, № 16, с. 420—421); альманах этот не появился. На этот раз обращение к Кузнецову, по-видимому, было связано с намерением Измайлова издавать журнал (см. след. письмо).

³ Письмо Вяземского — от 7 апреля 1829 г. (из села Межерского Саратовской губ.), где он рассказывает о своей работе над переводом «Адольфа» Б. Констана и сообщает о литературных и политических новостях (в том числе о смерти Грибоедова); в этом письме он передает привет и Измайлову (Рус. архив, 1868, стб. 602—607). Письмо от Карамзиных — от начала апреля (отрывок — Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, с. 432). См. ответное письмо Дмитриева Вяземскому от 1 мая 1829 г. (Из Остафьевского архива князей Вяземских. М., 1907, с. 10—13).

⁴ Фельц — *Féletz Ch. M. de. Mélanges de philosophie, d'histoire et de littérature*, 6 vol. Paris, 1828—1830.

36. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Соседка — возможно, Гурьева, о которой Дмитриев упоминал в письме к Вяземскому в 1821 г. (Письма И. И. Дмитриева к П. А. Вяземскому, с. 30).

37. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

38. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Николай Дмитриевич — Иванчин-Писарев (1790—1849), поэт, историк-дилетант, любитель искусств, близкий к кругам московских сентименталистов (Измайлов, Шаликов, В. Л. Пушкин). Дмитриев познакомился с ним в 1818 г. и рекомендовал его стихи в «Сын отечества» (письмо А. И. Тургеневу от 23 декабря 1818 г. — *Дмитриев*).

Соч., т. 2, с. 240; в тот же день он сделал запись в альбоме Иванчина-Писарева — Старина и новизна, кн. 10. М., 1905, с. 478—480). Иванчин-Писарев посвятил Дмитриеву несколько стихотворений («К портрету И. И. Дмитриева». — Сын отечества, 1819, № 51, с. 224; «К Волге. По случаю отъезда И. И. Дмитриева из Москвы». — Там же, 1819, № 42, с. 87; «Для сельского памятника. На случай посещения И. И. Дмитриева». — Памятник отечественных муз на 1827 г. СПб., 1827, с. 153 и др.); в свою очередь Дмитриев адресовал ему стихи «В альбом г-жи Иванчиной-Писаревой» (1836) (см. Москвитянин, 1841, ч. 1, № 2, с. 356). С 1819 г. начинается их переписка, продолжавшаяся до самой смерти Дмитриева; отрывки из писем Дмитриева (о смерти Карамзина, Веневитинова и В. В. Измайлова) Иванчин-Писарев опубликовал (Москвитянин, 1844, кн. 7, с. 49—50; ср.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. 8. СПб., 1894, с. 11—12). Иванчин-Писарев был постоянным посетителем Дмитриева, слушателем его записок и литературным поверенным; к собственным стихам Иванчина-Писарева Дмитриев, впрочем, относился не без иронии. Ему принадлежит также мемуарное свидетельство о Дмитриеве. См.: Дмитриев М., с. 132—133, 150; Остафьевский архив, т. 1, с. 559—560; Вяземский П. А. Полн. собр. соч., т. 7, с. 161; Москвитянин, 1849, № 4, с. 88; Старина и новизна, кн. 10, М., 1905, с. 486; Грот К. Я. К биографии И. И. Дмитриева, с. 21—33; Моск. обозрение, 1877, № 16, с. 421. С В. В. Измайловым Иванчин-Писарев был, видимо, связан еще ранее: в 1814 г. он печатался в «Вестнике Европы». На смерть Измайлова он откликнулся обширной некрологической статьей (Лит. газ., 1830, 22 ноября, т. 2, № 66, с. 242—244; Отечественная галерея, с прибавлением некоторых других сочинений Николая Иванчина-Писарева, ч. 1. М., 1832, с. 166—176).

39. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ «Р. И.» удовлетворительной расшифровке не поддается; может быть, «Русский инвалид» или «Русская история», например, С. Н. Глинки.

40. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

41. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

¹ Василий Львович — Пушкин.

42. Автограф — ИРЛИ, Р 1, оп. 6, № 48.

43. Автограф — ИРЛИ, 95-101 I С.

¹ Дмитриев благодарит Гнедича за посланный ему перевод «Илиады» Гомера (Ч. 1—2. СПб., 1829).

44. Автограф — ИРЛИ, 95—101 I С.

¹ Стихотворения Н. Гнедича. СПб., 1832.

45. Автограф — ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, № 565. Датируется 1833 г. по времени выхода в свет 1-й части альманаха «Новоселье», о которой идет речь в тексте. 12 марта приходилось на воскресенье в 1833 г.

¹ Альманах «Новоселье» (ч. 1), вышедший в свет 19 февраля 1833 г. (Синявский Н., Цявловский М. Пушкин в печати. 1814—1837. М., 1938, с. 103), был прочитан Дмитриевым сразу по выходе, после чего он получил от А. Ф. Смирдина через П. А. Вяземского экземпляр в подарок (Дмитриев. Соч., т. 2, с. 305). Название «Пустомелье», конечно, дано самим Дмитриевым; в читательских и литературных кругах альманах пользовался успехом. Аналогичный отзыв о прозе альманаха см. в письме к Вяземскому 1833 г. (Старина и новизна, кн. 2. М., 1898, с. 171—172).

² «Незнакомка», «Большой выход у Сатаны» — повесть и фельетон О. И. Сенковского, подписанные его псевдонимом «Барон Брамбеус». «Бригадир» — рассказ В. Ф. Одоевского (подписанный «ь.ъ.й»). Отношение Дмитриева к Сенковскому и его прозе в дальнейшем становится резко отрицательным (см. письма к П. П. Свиньину от 11 февраля 1834 (*Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 307) и П. А. Вяземскому от 5 января, 19 января и 5 мая 1834 г. (Старина и новизна, кн. 2, с. 176—179 и др.)). Похвалы «Воспоминаниям» Н. И. Греча носят отчасти полемический характер: Дмитриев противопоставляет их сочинениям Полевого, писанным якобы «языком лабазов». Далее в тексте намек на критику Полевым «чопорного», «аристократического» слога (ср. письма Дмитриева П. П. Свиньину от 11 февраля и 20 мая 1834 г. (*Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 308; Рус. старина, 1902, № 10, с. 86) и Вяземскому от 4 октября 1835 г. (Старина и новизна, кн. 2, с. 181—182)).

³ Александр Николаевич — лицо неустановленное.

⁴ Сонцев (Сонцов, Солнцев) Матвей Михайлович (1779—1847) — муж сестры В. Л. Пушкина Елизаветы Львовны, знакомый Дмитриева, близкий к московским литературным кругам.

46. Автограф — ИРЛИ, 28034/ССІ680. Датируется по содержанию: Жуковский встретился с Дмитриевым в Петербурге в августе 1835 г. Этой встрече предшествовала переписка. 29 мая 1835 г. Жуковский писал Дмитриеву: «Слухи о вашем прибытии в Петербург не умолкают; я им верю, потому что мне всем сердцем хочется им верить. Для меня было бы истинным счастьем вас увидеть после такого долгого разлуки. Если вы будете, то прошу вас немедленно меня уведомить о вашем прибытии: вероятно, я буду в Петергофе» (*Жуковский В. А. Соч. Изд. 7-е, т. 6. СПб., 1878, с. 436*). Отвечая Жуковскому 9 июня, Дмитриев сообщал, что не переменяет намерения побывать в Петербурге, «только попозднее прежнего срока» (*Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 318). Дмитриев приехал в Петербург в середине августа и пробыл до 7 сентября (Сев. пчела, 1835, 12 сент., № 204, с. 814; *Дмитриев. Соч.*, т. 2, с. 319). Записка написана сразу по прибытии; в дневнике Жуковского отмечена встреча 22 августа: «... К Дмитриеву, с которым снова ко мне, потом к Чернецову и в Академию художеств. Сцена с гравером Ухтомским и с лонлакеем» и 31 августа («я ездил в город и провел вечер у Дмитриева с Вяземским») (ЦГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 37, л. 6; указано М. И. Гиллельсоном).

¹ Наталия Яковлевна — Плюскова (ок. 1780—1845), фрейлина имп. Марии Федоровны, старинная приятельница Дмитриева. См. о ней: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, по указ.; Державин, т. 2, с. 249, 503, 727.